МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФГБОУ ВО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ПРАВА, СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 40.05.01

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

НА ТЕМУ

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Работу выполнила:

студентка группы ЗУсС - 40.05.01.03-44

Корякина Наталья Сергеевна

_____

Научный руководитель:

д.ю.н., доцент Е.А. Ходырева

_____

Зав. кафедрой гражданского права:

д.ю.н., доцент Е.А. Ходырева

_____

(решение о допуске)

«____»_____20__г

Ижевск – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВКР УдГУ

ВВЕДЕНИЕ 2

Глава 1. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА 7
§ 1. Понятие и сущность юридического лица 7
§ 2. Признаки юридического лица 17
§ 3. Эволюция видов юридических лиц в российском законодательстве 34

Глава 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ 42
§ 1. Классификация юридических лиц по характеру их деятельности 42
§ 2. Виды юридических лиц по организационно-правовым формам 54
§ 3. Виды юридических лиц по правам учредителей на их имущество 64
§ 4. Иные виды юридических лиц 72

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 83

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 87

ВКР УдГУ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной ролью института юридического лица в системе гражданско-правовых отношений. Данный институт, получивший детальную регламентацию в Гражданском кодексе Российской Федерации и сопутствующем законодательстве, выступает краеугольным камнем современного правопорядка. Его значимость для экономического развития трудно переоценить. Дело в том, что экономический оборот не может эффективно функционировать исключительно за счет участия граждан. Именно юридическое лицо позволяет легитимировать коллективные интересы, структурировать их и, что критически важно, локализовать коммерческие риски, создавая предсказуемые рамки для хозяйственной деятельности.

В современной системе гражданско-правовых отношений юридическим лицам отводится особая роль. Эти субъекты права составляют фундамент экономической системы, гарантируя деятельность разнообразных коммерческих и некоммерческих структур. Грамотное толкование их правового положения и функционального назначения в гражданском обороте выступает обязательным условием для корректного применения норм права и обеспечения защиты интересов всех участников имущественных и неимущественных отношений.

Юридические лица образуют специфическую категорию образований, наделенную уникальным набором характеристик. Их создание и ликвидация также протекают по особым правилам. В современной правовой действительности, где взаимодействия усложняются во всех отраслях, институт юридического лица становится объектом пристального научного анализа. Данный интерес обусловлен рядом факторов: усложнением общественной инфраструктуры, растущим вмешательством государства в экономические процессы, стремительным развитием информационных технологий. Эти тенденции закономерно ведут к росту числа объектов и субъектов, требующих правового регулирования. Соответственно, возникает

ВКР УлГУ

насущная потребность в совершенствовании качества соответствующего законодательства.

Актуальность исследования юридических лиц в российском правопорядке обусловлена фундаментальной ролью данного института в социально-экономическом устройстве. Его функционирование пронизывает множество областей правовых взаимодействий, что порождает устойчивую потребность в углубленном анализе и последующей модернизации соответствующих правовых механизмов.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся дискуссионностью ряда фундаментальных вопросов. Во-первых, вызывает сомнения адекватность самой законодательной классификации организаций, имеющих статус юридического лица. Во-вторых, в доктрине отсутствует единообразное понимание сущности данного института и его характерных черт.

Часть первая Гражданского кодекса РФ зафиксировала сложившуюся к моменту его принятия систему юридических лиц. В отличие от предшествующих актов, она не ограничилась простым перечислением организационно-правовых форм для коллективных субъектов, а ввела их классификацию, проведя деление на виды. Нормы главы четвертой Кодекса, регламентирующие данный институт, к настоящему времени подверглись глубокой трансформации. Эти изменения коснулись фундаментальных принципов, лежащих в основе построения всей системы юридических лиц.

Введенная главой четвертой ГК РФ классификация юридических лиц предполагает их деление на две категории: корпоративные и унитарные.

Указанное разделение распространилось на все без изъятия юридические лица, признаваемые современным российским гражданским правом. Преобразования затронули не только разнообразные коммерческие формы, но и сферу некоммерческих организаций. Чтобы постичь суть и конечные задачи подобных нововведений, требуется обратиться к

ВКР УлГУ

сложившимся в науке подходам к данной проблематике, а также к скрупулезному анализу актуального гражданского законодательства, которое и зафиксировало обновленную классификацию.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с участием юридических лиц в гражданском обороте.

Предметом исследования являются существующие нормы в российском законодательстве о видах юридических лиц, их классификации, практика их применения и доктрина.

Целью данной работы является выработка решений теоретических и практических проблем относительно классификации юридических лиц в гражданском праве.

Задачи, поставленные в соответствии с целью данного исследования:

1. Определить, что такое юридическое лицо и его признаки;
2. Изучить и проанализировать эволюцию видов юридических лиц в российском законодательстве;
3. Изучить и проанализировать виды юридических лиц по характеру деятельности;
4. Изучить и проанализировать виды юридических лиц по организационно-правовым формам;
5. Изучить и проанализировать виды юридических лиц по правам учредителей на их имущество;
6. Изучить иные виды юридических лиц.

В качестве методологического фундамента настоящего исследования применяется комплекс общенаучных подходов, включающий анализ и синтез, индукцию и дедукцию, исторический и логический методы. Помимо этого, работа опирается на частно-научные инструменты познания, в частности, формально-юридический и системно-структурный методы.

ВКР УлГУ

Теоретической основой выпускной квалификационной работы стали труды таких авторов: Е.В. Богданов, Д.В. Ломакин, Е.В. Суханов, О.В. Закуракина, М.А. Дроздов, и другие.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 8 мая 1996 г. N 41-ФЗ «О производственных кооперативах», Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Перечень источников не является исчерпывающим.

Данная работа состоит из введения, двух глав, поделенных на параграфы, заключения, и библиографического списка.

ВКР УлГУ

Глава 1. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

§ 1. Понятие и сущность юридического лица

Помимо граждан, ключевыми субъектами гражданско-правовых отношений, подпадающих под действие соответствующего законодательства, признаются и юридические лица. Их статус как полноправного участника правоотношений закрепляется также и в нормах иных правовых отраслей.

Согласно положениям статьи 48 Гражданского Кодекса РФ[1], организация обретает статус юридического лица при соблюдении ряда обязательных критериев. Ей необходимо иметь имущество, обособленное от активов учредителей, и именно этим имуществом она будет отвечать по собственным долгам. Такая организация действует в гражданском обороте автономно: она от собственного имени вступает в правоотношения, принимает на себя обязанности и реализует предоставленные законом права. Наконец, она обладает полной процессуальной правоспособностью, выступая в судебных процессах как в роли истца, так и ответчика.

Регистрация в Едином государственном реестре юридических лиц выступает обязательным условием для создания юридического лица. При этом его организационно-правовая форма должна строго соответствовать перечню, закрепленному в действующем Кодексе.

В соответствии с пунктом 1 статьи 49 Гражданского кодекса РФ правоспособность организации определяется как её способность обладать гражданскими правами и исполнять обязанности. Эти права и обязанности должны строго соответствовать целям, зафиксированным в учредительных документах. Возникновение такой правоспособности законодатель связывает с датой внесения записи о создании юрлица в ЕГРЮЛ. Прекращается же она

ВКР УлГУ

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Российская газета. 1994. № 238-239.

исключительно в момент внесения в тот же реестр сведений о ликвидации данного субъекта права.

Гражданское право проводит разграничение между правоспособностью, носящей общий характер, и той, что признается специальной. В соответствии с пунктом первым статьи 49 Гражданского кодекса, общая правоспособность представляет собой юридическую способность субъекта. Она позволяет ему обретать и реализовывать любые гражданские права, равно как и принимать на себя соответствующие обязанности. Данная конструкция не ограничивает круг допустимой деятельности, обеспечивая универсальный правовой потенциал. Правоспособность данного вида присуща исключительно двум категориям субъектов: гражданам (физическим лицам) и хозяйствующим субъектам, созданным в частной коммерческой форме. В соответствии с пунктом первым статьи 49 Гражданского кодекса, юридическое лицо наделяется специальной правоспособностью. Это означает, что его права и обязанности строго ограничены рамками тех задач, ради которых оно создавалось. Данные цели и пределы правомочий должны быть прямо указаны в уставе или ином учредительном документе организации.

Развитие права шло рука об руку с усложнением экономических связей и товарно-денежного оборота. Это неизбежно выявило ограниченность концепции, где единственными субъектами гражданско-правовых отношений выступают лишь физические лица. Уже во II веке до нашей эры, в эпоху Римской республики, зарождается мысль о возможности участия в частноправовых сделках самостоятельных образований — частных корпораций или союзов, действующих от собственного имени. Хотя сам термин «юридическое лицо» римскому праву был неизвестен, именно ему принадлежит фундаментальная идея расширить субъектный состав за счет

ВКР УлГУ

объединений граждан. Данный тезис детально проанализирован в специальной литературе по римскому праву[2].

Экономические связи, набиравшие силу в Средневековье, потребовали адаптации догматических конструкций римского права. Требовалось расширить круг субъектов, способных вступать в частноправовые отношения.

Институт юридического лица обретает новое дыхание в эпоху становления крупных торговых и промышленных объединений. Яркими примерами служат английские и голландские Ост-Индские компании, а также германский торговый дом Фуггеров. Именно тогда появляются фундаментальные работы Савиньи, Иеринга и Гирке, заложившие основу для последующих научных дискуссий.

В XX столетии наблюдается заметное усиление роли института юридического лица. Экономический рост, индустриализация и внедрение технологических новшеств ведут к усложнению как самой предпринимательской инфраструктуры, так и всей системы гражданско-правовых отношений, что и служит главным катализатором данного процесса.

В 1970-е годы О. А. Красавчиков дал всеобъемлющую трактовку предназначения института юридического лица. Согласно его позиции, нормы этого института фиксируют организационное, имущественное и функциональное единство данного субъекта, очерчивают пределы его правосубъектности, регламентируют формы и порядок ее реализации, а также процедуры создания, реорганизации и прекращения деятельности. В совокупности эти предписания формируют правовой статус организаций, выступающих в качестве юридических лиц[3].

ВКР УлГУ

[2] О юридических лицах в римском праве. Римское частное право : учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. Перетерского. - М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 1948. С. 221.

[3] Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права // Избр. тр. В 2 т. Т. 2.Классика российской цивилистики. - М.: «Статут». 2005. С. 242–254.

Статья, посвященная анализу понятия и сущности юридического лица, была подготовлена Е. Б. Хохловым и В. В. Бородиным непосредственно перед вступлением в силу первой части действующего Гражданского кодекса РФ[4].

В рамках своего исследования авторы анализируют эволюцию концепции юридического лица, сопоставляя исторические доктрины с актуальными интерпретациями. Подчеркивается, что статус юридического лица приобретают не все коллективные образования, а исключительно те из них, которые в силу специальной государственной регистрации обретают правосубъектность и выступают в обороте как автономные носители прав и обязанностей.

В рамках исследования подвергается анализу концепция сущности юридического лица, уходящая корнями в римское право. Далее прослеживается её эволюция в средневековый период. Завершает работу критический разбор основных доктрин, раскрывающих природу данного правового феномена.

В контексте рассматриваемой статьи целесообразно частично осветить существующие доктрины, определяющие природу юридического лица.

Ключевые концепции, раскрывающие природу юридического лица:

1. Теории фикции (или фикционные теории) рассматривают юридическое лицо как продукт правопорядка − искусственную конструкцию, юридическую фикцию, созданную законодателем. Истоки этой концепции восходят к римскому папе Иннокентию IV, признаваемому её родоначальником. Своего апогея теория достигла в германской цивилистике XIX столетия (ключевыми фигурами здесь выступали Фридрих Карл фон Савиньи и Бернгард Виндшайд). В рамках данного подхода юридическое лицо трактовалось в качестве искусственного субъекта, порожденного

[4] Хохлов Е. Б., Бородин В. В. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. 1993. № 9. С. 151.

ВКР УлГУ

законодателем сугубо для опосредованного закрепления за ним прав и обязанностей.

Эта концепция оказала колоссальное влияние на дальнейшее развитие научной мысли и, претерпев некоторые изменения, сохраняет свою актуальность в современной дискуссии. Сущность её возникновения была проанализирована Н.Л. Дювернуа[5]. Он отмечал, что римское правосознание, с одной стороны, отчётливо видело возможность соединения личности и конкретной правоспособности с человеком. С другой − с той же лёгкостью разрывало эту связь. Человек низводился до положения вещи, либо же личный характер владения присваивался там, где невозможно указать на отдельного индивида в качестве обладателя.

Суть «теории фикций» проистекает из следующего противоречия. С волей и сознанием, атрибутами правового субъекта, наделен исключительно индивид, отдельная человеческая личность. Однако реальность демонстрирует иную картину: имущественные права зачастую принадлежат не физическому лицу, а объединению людей, корпорации. Чтобы разрешить это несоответствие, законодатель искусственно наделяет подобное объединение качествами личности, создавая юридическую фикцию субъекта права.

2. Теория интереса. Её основоположником выступил Рудольф фон Иеринг. Согласно данной концепции, права и обязанности, формально закреплённые за организацией, в действительности принадлежат конкретным людям −тем, кто реально распоряжается общим имуществом и извлекает из него пользу[6]. Суть подхода Иеринга состоит в отрицании реального существования юридического лица как самостоятельного субъекта. Правопорядок же, по его мнению, охраняет не фиктивный субъект, а то, что можно обозначить как «коллективный интерес». Следовательно, эта теория представляет собой синтез: она заимствует из теории фикции идею об

[5] Дювернуа Л. Н. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. М. : Зерцало. 2004. С. 270-272.
[6] Иеринг Р. Фон. Борьба за право / пер. с нем. О.А. Верта. СПб..: тип. Я. Трей. 1895. С. 79.

ВКР УлГУ

искусственности субъекта, но при этом признаёт полную реальность интересов группы граждан, которые, осознавая взаимную выгоду, консолидируются посредством правовой конструкции юридического лица.

В отечественной правовой доктрине концепция юридического лица как полноценного субъекта права не отличалась единством взглядов. Ряд правоведов, в частности Н. М. Коркунов, занимали позицию полного отрицания его самостоятельности. С его точки зрения, единственным реальным носителем правоспособности выступает исключительно человек. Само же юридическое лицо представляет собой не более чем технический прием, форму для опосредования правоотношений между физическими лицами, составляющими его основу[7]. Этой позиции, однако, решительно противостоял Е. Н. Трубецкой в своих лекциях по энциклопедии права. Он обращал внимание на существование таких объединений, чье бытие и правовой статус объективны и не зависят от сменяющейся воли их участников. Состав членов может обновляться, но сущностная природа и правовая индивидуальность такого образования сохраняются неизменными[8].

3. В рамках органической теории, разработанной Гирке, юридическое лицо трактуется как «союзная личность» или телесно-духовный организм. Право субъектности, согласно этой концепции, распространяется не только на индивидов, но и на «социальные организмы». Последним атрибутируются все сущностные характеристики физического лица: собственная воля, осознанный интерес, способность к целеполаганию и его реализации. К видным адептам органической школы относились в Германии – О. Гирке; во Франции – Л. Мишу, Р. Солейль.

Согласно органической теории, любое сообщество, отвечающее установленным фактическим критериям, признается правосубъектным. Осуществление прав невозможно без волевого начала − там, где воля

[7] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: РОССПЭН. 2010. С. 163.
[8] Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М..: т-во тип. А.И. Мамонтова 1917. С. 25.

ВКР УлГУ

отсутствует, право теряет свою силу. Однако подлинная воля присуща исключительно индивиду. Следовательно, лишь физические лица способны выражать волю коллективных образований, что становится осуществимым при наличии у последних соответствующих органов.

Критики данной теории выдвинули против нее ряд серьезных обвинений. По их мнению, она не преодолевает недостатки «теории фикции» Савиньи, а лишь подменяет ее новой, еще более искусственной конструкцией, отдающей средневековой схоластикой. Эта конструкция предполагает реальное существование неких совокупных лиц и имуществ, где единство воли, по сути, сводится к простой сумме индивидуальных воль[9].

4. Д.М. Генкин в своей теории социальной реальности трактует юридическое лицо как особую форму социальной реальности. Ей делегируется обособленное имущество, чтобы решать насущные социально-экономические проблемы, стоящие перед обществом и государством, и тем самым достигать целей, имеющих общественную пользу[10].

Данная концепция явно перекликается с классической "теорией фикций". Суть её в том, что на вопрос о природе юридического лица даётся по сути уклончивый ответ: относитесь к нему как к правовому субъекту, поскольку оно представляет собой социальную реальность. Подобный подход, по сути, не решает проблему, а обходит её стороной[11]. Это даёт все основания для вывода о том, что представители данной теории скорее уходили от решения вопроса о сущности юридического лица, нежели предлагали его.

5. С.И. Аскназий в своей теории государства рассматривает юридическое лицо как само государство, представленное всенародным коллективом, которому и принадлежит государственная собственность. Согласно этой концепции, за любым юридическим лицом обнаруживается

[9] Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. С. 175.
[10] Генкин Д.М Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Проблемы социалистического права, 1939. С. 91.
[11] Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. М.: Статут, 2020. С. 143.

ВКР УлГУ

государство, организованное как коллектив всего народа. Каждое предприятие, таким образом, опирается на одного и того же субъекта, но действующего не во всем многообразии своих полномочий, а целенаправленно организующего конкретную сферу деятельности[12].

6. Теория коллектива, предложенная А.В. Венедиктовым, определяет юридическое лицо как реальный социальный организм. Его «людской субстрат» − это коллектив работников, за которым, в свою очередь, стоит всенародный коллектив[13].

Правосубъектность государственных органов в гражданском обороте базируется на двух взаимосвязанных началах. Первое − это единство социалистической собственности государства. Второе − оперативное управление ее отдельными объектами. При этом управление имуществом предприятия реализуется не в единоличном лице государственного назначенца-руководителя. Оно осуществляется также и коллективом данного госоргана. Деятельность государственного юридического лица находит свое конкретное воплощение именно в действиях этого коллектива.

Несмотря на присущие ей внутренние противоречия, данная теоретическая конструкция продемонстрировала свою практическую ценность. Её основным достижением стало формирование и последующее законодательное закрепление принципов имущественной ответственности организаций.

7. Наиболее детальную разработку получила теория директора, чье исследование принадлежит Ю. К. Толстому. Ее суть сводится к следующему: наделение организации правосубъектностью продиктовано прежде всего потребностью ее вовлечения в имущественные отношения. За фигурой юридического лица скрывается государство − единоличный собственник

[12] Аскназий С.И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Учёные записки Ленинградского юридического института. Вып. IV. 1947. С. 5.

[13] Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. С.256.

ВКР УлГУ

имущества, а также руководитель госоргана (директор), которому это имущество, включая средства производства, передается в управление. Однако директор правом собственности на переданные активы не обладает[14].

Проблема сущности юридического лица служит стержневым вопросом для множества правовых концепций. Дискуссии на эту тему, то вспыхивая с новой силой, то затихая, ведутся уже столетиями. М. И. Кулагин констатировал, что в западной правовой мысли на протяжении десятилетий не возникало сколь-либо значимых и принципиально новых доктрин, раскрывающих природу и сущность юридического лица[15].

Проблема сущности юридического лица в современной российской правовой доктрине, безусловно, не обойдена молчанием. При этом она едва ли становится предметом активной и острой дискуссии. В современной российской цивилистике преобладает скептическая оценка. Ученые сомневаются в его реальной значимости и смотрят на перспективы решения проблемы весьма сдержанно. В рамках отечественной правовой доктрины преобладает подход, согласно которому юридическое лицо трактуется сквозь призму формально-догматического анализа. Его сущность сводится к специфической правовой конструкции, искусственно созданной и функционирующей в рамках правового поля. Следовательно, исследовательский фокус концентрируется преимущественно на скрупулёзном разборе законодательных норм, регламентирующих статус и деятельность юридических лиц. Подобная методология ограничивается фиксацией и описанием внешних, формальных атрибутов рассматриваемого явления[16]. Она принципиально отказывается от проникновения в его философски значимую сущность. Некоторые исследователи полагают, что

ВКР УлГУ

[14] Толстой Ю. К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестник Ленинградского университета. 1955. №3. С. 117.
[15] Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М.: УДН. 1987. С. 5.
[16] Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. С. 2.

существующий научный аппарат цивилистики не располагает достаточными средствами для разрешения данной проблемы. При этом многочисленные концепции юридического лица признаются неспособными дать окончательный ответ на вопрос о его сущности[17].

Понятие юридического лица было введено в научную и правоприменительную практику с целью обозначить личностную природу образования, не сводимого к человеческому индивиду. Оно позволяет выявить и противопоставить специфику правосубъектности коллективного образования особенностям другого участника правоотношений – физического лица.

Подводя итог, стоит отметить: правовая фигура юридического лица, выступающего носителем гражданских прав и обязанностей, неизменно вызывает научный интерес. К её исследованию обращаются как теоретики цивилистики, так и практикующие юристы, чьи профессиональные интересы простираются в самых разных правовых сферах.

Институт юридического лица в российском праве регламентируется положениями четвертой главы Гражданского кодекса РФ. Принятая в 1994 году первая часть Кодекса внедряла нормы этого института поэтапно, что было обусловлено масштабностью самих преобразований. Современный этап характеризуется непрерывным совершенствованием гражданского законодательства, включая масштабную реформу ГК РФ. Конкретные векторы развития института юридического лица зафиксированы в Концепции развития гражданского законодательства[18], утвержденной указом Президента Российской Федерации в 2008 г[19].

ВКР УлГУ

[17] Богданов Е. В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. 2011. № 11. С. 89.

[18] "Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации" (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник гражданского права. 2009. № 4.

[19] Указ Президента РФ от 18 июля 2008 года №1108 (ред. от 29.07.2014) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 29. С. 3482.

§ 2. Признаки юридического лица

Российское гражданское законодательство устанавливает ряд обязательных критериев, совокупное наличие которых служит основанием для признания государством конкретной организации полноценным участником гражданско-правовых отношений.

Пункт 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет юридическое лицо. Это организация, обладающая обособленным имуществом, за счет которого она отвечает по собственным обязательствам. Такая организация вправе от своего имени приобретать и реализовывать гражданские права, а также принимать на себя соответствующие обязанности. Она может выступать в судебном процессе как в роли истца, так и ответчика. Закрепленные в данной норме признаки раскрывают сущность юридического лица как особой правовой конструкции. Эта конструкция предоставляет организациям и объединениям лиц возможность полноценного участия в гражданском обороте.

В классической правовой доктрине организация обретает статус субъекта гражданского права − юридического лица − при наличии четырех базовых признаков. Их совокупность образует достаточное условие, тогда как каждый из них в отдельности выступает необходимым.

1. Организационное единство. Прежде чем обратиться к анализу этого признака, требуется уяснить содержание самого термина «организация». В словарной статье С. И. Ожегова представлены две ключевые трактовки данного понятия:

Во-первых, под организацией понимается состояние упорядоченности, планомерное и внутренне согласованное устройство, предполагающее строгую дисциплину. Примером служит отлаженная организация производственного процесса.

ВКР УлГУ

Во-вторых, термин обозначает конкретное общественное объединение либо государственное учреждение. К этой категории относятся, например, Всемирная торговая организация, профсоюзная ячейка, строительная фирма, молодёжное движение или организация ветеранов труда[20].

Понятие «организация» раскрывается через двойственную природу. С одной стороны, это внешний аспект, где организация предстает как целостное юридическое лицо − фирма или предприятие. С другой стороны, существует внутреннее измерение, охватывающее архитектуру управленческих отношений, трудовой дисциплины и всей внутрикорпоративной структуры.

Суммируя приведенные дефиниции, можно заключить, что их сущность концентрируется на взаимодействии, регламентации, согласованности и кооперации. Иными словами, целостность и упорядоченность выступают фундаментальными условиями для формирования дееспособной и результативной корпоративной структуры. Зарождение юридического лица, его жизнеспособность, гармоничные внутренние связи и отлаженная деятельность всех подразделений коренятся именно в этом организационном единстве.

Поскольку законодательство не содержит прямого упоминания о таком свойстве, как организационное единство, а также не раскрывает его содержания, логичным отправным пунктом для его изучения становится базовое понятие «организация».

Обратимся к сущности категории «организационное единство». Данная правовая категория не имеет единого, общепринятого толкования. По мнению В.Н. Цирульникова, организационное единство раскрывается в двух плоскостях. С одной стороны, это правовой потенциал, заложенный законодателем в конкретную организационно-правовую форму, который позволяет выстраивать внутренние связи между компонентами

[20] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание]. М.: АСТ. 2022. С. 1360.

ВКР УлГУ

организационной структуры. С другой − фактическое состояние, при котором воля учредителей воплотилась в целостную внутреннюю конструкцию, объединив все её элементы в единое целое. По мнению Владимира Николаевича, организационное единство находит своё внешнее выражение и подтверждение в официальных учредительных документах. Четвертый момент заключается в том, что государство, регистрируя юридическое лицо[21], тем самым признает его подлинное внутреннее единство. Как отмечалось ранее, сама возможность существования юридического лица в правовом поле обусловлена именно его способностью изъявлять волю через оформленные соответствующим образом документы. Следовательно, определение советского ученого позволяет заключить: организационное единство представляет собой взаимосвязь структурных подразделений предприятия. Оно не только гарантирует стабильность его архитектуры, но и служит правовым основанием для признания юридического лица. Без такого единства, закрепленного в учредительных документах, сама процедура государственной регистрации становится юридически несостоятельной.

В рамках научной дискуссии примечательную позицию высказывает А.В. Поляков − профессор, доктор юридических наук, возглавляющий кафедру на юридическом факультете СПбГУ. Согласно его позиции, правосубъектностью наделяются исключительно коллективные образования, характеризующиеся психосоциальной организацией[22]. Это предполагает неразрывное единство организационной структуры и способности к волеизъявлению. Данный момент приобретает принципиальное значение, поскольку отражает сложившуюся правоприменительную практику. Эффективное вовлечение организации в хозяйственный оборот требует от объединения субъектов, пусть даже минимального по составу, достижения консенсуса. Этот консенсус должен охватывать согласованность целевых

[21] Цирульников В. Н. Признак «организационное единство» и его влияние на правосубъектность коммерческих организаций. Волгоград, 1998. С.184.
[22] Поляков, А. В. Общая теории права: курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 551.

ВКР УлГУ

установок, общность конечных ориентиров, а также гармонизацию внутренней воли и её внешнего выражения. Лишь при соблюдении данного требования объединение лиц обретает статус юридического лица, получая возможность выступать в гражданском обороте в качестве самостоятельного и неделимого субъекта. Однако критически важно не ограничиваться формальным участием, а добиваться конкретных итогов и находить решения для задач, стоящих перед организацией.

Организационное единство как признак юридического лица продолжает оставаться предметом оживленных научных дискуссий.

Гражданское законодательство допускает функционирование юридических лиц, учреждаемых единственным субъектом, осуществляющим предоставление услуг или производство работ. Так, согласно пункту 2 статьи 66 ГК РФ, хозяйственное общество вправе быть образовано одним лицом, выступающим впоследствии его единоличным участником, за исключением случаев, прямо установленных данным Кодексом или иным федеральным законом.

В научной среде цивилистики возникает закономерный вопрос: насколько оправдано сохранение признака организационного единства. Так, В.К. Андреев, доктор юридических наук, академик РАЕН, профессор, заслуженный деятель науки, авторитетный специалист в сфере гражданского, предпринимательского и корпоративного права, прямо указывает на парадокс: зачем квалифицировать юридическое лицо как организацию, если его учреждает и формирует единственный физический субъект[23].

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Богданов полагает, что в компаниях, где функции руководящего органа и учредителя совмещены в одном лице, не может существовать ни организации, ни тем более организационного

[23] Андреев В. К. Гражданский кодекс Российской Федерации и новейшее законодательство // Государство и право. 1996. № 4. С. 110.

ВКР УлГУ

единства. Ученый предлагает полностью отказаться от данного признака юридического лица. Соответствующие коррективы, по его мнению, следует внести в п. 1 ст. 48 ГК РФ, закрепив, что юридическое лицо – это сформированный в предусмотренном законом порядке субъект, отвечающий имуществом по собственным обязательствам и участвующий в гражданском обороте от своего имени[24].

Следовательно, вывод очевиден: приведенные позиции цивилистической доктрины опираются на фикционную теорию, признающую исключительно сам факт бытия юридического лица и принадлежащих ему вещных прав. Вновь обратившись к базовому термину «организация» и припомнив дефиницию Ожегова, согласно которой она представляет собой организованность, продуманное устройство и внутреннюю дисциплину, мы обнаруживаем отсутствие в ней указания на коллективную природу. Организационное единство представляет собой состояние упорядоченности, достигаемое как отдельным лицом, так и группой лиц. В ситуации, когда юридическое лицо создано единственным учредителем, который одновременно выступает и его сотрудником, характер деятельности приобретает черты самоорганизации. Подобная модель функционирования предъявляет повышенные требования к внутренней дисциплине и слаженности действий, поскольку все управленческие и исполнительные функции сосредоточены в одном лице. Здесь учредительные документы возлагают на одного участника целый комплекс разнородных обязанностей. Отказ от признака организационного единства как несущественного элемента представляется недопустимым. Его приравнивание к простому количественному показателю методологически ошибочно. Организационное единство юридического лица, по своей правовой сути, коренится в системе

[24] Богданов Е. В. Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. 1997. № 10. С. 100.

ВКР УлГУ

внутренних связей. Именно эти связи конституируют организацию как целостного и неделимого субъекта в сфере гражданского права.

2. Имущественная обособленность, или наличие обособленного имущества, составляет фундаментальную основу юридического лица. Гражданский оборот по своей природе есть оборот имущественный, а потому его полноценными участниками способны выступать лишь самостоятельные и независимые субъекты. Сущность конструкции юридического лица как раз и заключается в порождении нового субъекта права − организации, чье имущество строго отделено от имущества его учредителей (участников, создателей)[25]. Именно эта обособленность и обеспечивает организации возможность автономного вступления в имущественные отношения. Таким образом, имущественная обособленность представляет собой экономический признак, присущий любому юридическому лицу с момента его учреждения.

Сущность имущественного обособления раскрывается через две основные теоретические конструкции: организационно-технического обособления[26] и экономического обособления[27]. Каждая из них, однако, содержит существенные изъяны. Главный их порок заключается в методологически ошибочном отождествлении национального экономического оборота с товарным, а последнего − с опосредующим его гражданским оборотом. Рассматривая данный признак применительно к юридическому лицу, мы присоединяемся к позиции В.В. Подсосонной, трактующей имущественную обособленность как закрепление за организацией производственных и иных фондов с одновременным наделением ее правомочиями и обязанностями по их оперативному управлению[28].

ВКР УлГУ

[25] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Комментарий к части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М.: Спарк: Хоз-во и право, 1999. С. 480.
[26] Якушев В.С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1973. С. 150.
[27] Собчак А.А. Содержание и границы самостоятельности предприятий // Советское государство и право. 1971. № 4. С. 12.
[28] Подсосонная В.В. Обособление имущества, объекты гражданского оборота: сб. ст. М.: Статут, 2007. С. 251–277.

Исторический генезис позволяет выявить объективную природу имущественной обособленности. Данное свойство определяет место субъекта в структуре общественного производства. Однако наделение конкретной организации реальным обособленным имуществом чаще всего синхронизировано с процедурой формирования уставного либо складочного капитала. Следовательно, квалификация некоего образования в качестве юридического лица обусловлена не формальным наименованием, а фактическим наличием комплекса признаков, которые в своей совокупности конституируют его как автономного субъекта гражданско-правовых отношений.

Имущественная правосубъектность юридического лица реализуется через вещные права. К их числу относятся право собственности, право хозяйственного ведения и право оперативного управления.

Правовой режим права хозяйственного ведения порождает ряд нерешенных вопросов. Особую сложность представляет процедура взаимодействия собственника имущества и унитарного предприятия при необходимости получения одобрения на распоряжение активами. Действующие нормы права не содержат детальной регламентации данного процесса, что создает существенные препятствия для нормального функционирования имущественного оборота.

Отказ от применения права хозяйственного ведения в рамках разнообразных форм собственности также порождает существенные затруднения. По нашему мнению, подобный отказ представляется скоропалительным, а его практическое воплощение сопряжено со значительными, едва ли преодолимыми сложностями. Однако было бы ошибочно конструировать право хозяйственного ведения, слепо копируя модель права собственности. Под имущественной самостоятельностью понимается совокупность правомочий, которыми наделены хозяйствующие субъекты в отношении закрепленного за ними имущественного комплекса. Эта

ВКР УлГУ

совокупность прав предоставляет им свободу распоряжаться данным имуществом по собственному усмотрению, включая совершение любых допустимых законом сделок. Право оперативного управления служит юридическим оформлением этой автономии. Оно производно от права собственности, будучи по своей природе вещным правом. В юридической доктрине превалирует позиция, согласно которой право оперативного управления не находится в оппозиции к государственной собственности и не испытывает с её стороны ограничений[29]. Напротив, оно возникает и функционирует исключительно в силу самого факта существования последней.

Имущественная обособленность представляет собой фундаментальный элемент конструкции юридического лица, раскрывающий его экономическую природу. Данный признак не теряет своей актуальности, а, напротив, демонстрирует тенденцию к усилению роли. Об этом, в частности, свидетельствует распространение правовых форм «одночленных корпораций» в современной практике.

3. Способность выступать в гражданском обороте от собственного имени. Согласно пункту 3 статьи 49 Гражданского кодекса, правосубъектность организации возникает в момент фиксации данных о её учреждении в ЕГРЮЛ и утрачивается после внесения в этот реестр записи о прекращении её существования. Правоспособность организации подразделяется на общую и специальную (п. 1 ст. 49 ГК РФ). Общая правоспособность наделяет субъект правом приобретать любые гражданские права и нести обязанности, требуемые для ведения деятельности любого рода. Специальная же правоспособность ограничивает круг доступных организации прав и обязанностей теми, что прямо соотносятся с задекларированными в её уставе целями.

[29] Гражданское право: в 2 ч. Ч. 1: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В.П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2012. С. 543.

ВКР УлГУ

В научной дискуссии о содержании правоспособности юридического лица особое место занимает вопрос о её границах. Согласно одной из позиций, пределы этой правоспособности задаются законодательными актами, положениями и уставами, лежащими в основе создания и деятельности соответствующей организации[30]. Иными словами, правосубъектность корпорации ограничена специальной целью её учреждения. Примечательно, что действующее законодательство, несмотря на наличие в ГК РФ отдельной статьи 49, посвященной правоспособности юридического лица, не раскрывает ни её дефиницию, ни внутреннее наполнение.

Прежде всего стоит отметить, что законодательство наделяет специальной правоспособностью не только некоммерческие структуры. Ряд коммерческих юридических лиц также подпадает под это правило. Статья 49 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет круг субъектов, наделенных специальной правоспособностью. К их числу, в частности, отнесены унитарные предприятия. Помимо них, данная норма распространяется и на иные организационные формы, прямо указанные в законодательстве. Создание унитарных предприятий продиктовано необходимостью решения общественно значимых задач и отстаивания интересов государства, что предопределяет их формирование исключительно на базе публичного имущества. Круг вопросов, где допустимо учреждение унитарного предприятия, законодательно сужен. Эта ограниченность прямо вытекает из норм, закрепленных в пункте 4 статьи 8 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»[31]. Законодатель последовательно дополняет список организационно-правовых форм, базирующихся на принципе специальной правоспособности. Хозяйственные партнерства, в свою очередь, обладают правоспособностью, позволяющей им

[30] Карева И.Д. Правоприменительные аспекты возникновения и прекращения правоспособности юридического лица // Juvenis scientia. 2019. № 11-12. С. 14-16.

[31] Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ (ред. от 15.12.2025) "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях" // СЗ РФ. 2002. № 48. С. 4746.

ВКР УлГУ

приобретать гражданские права и принимать на себя соответствующие обязанности. Эта правоспособность распространяется на все виды деятельности, прямо не запрещенные федеральным законодательством. Однако ее реализация имеет важное ограничение: она не должна вступать в противоречие с предметом и целями деятельности партнерства, которые закреплены в его уставе[32] и детализированы в соглашении об управлении.

В качестве иллюстрации также можно привести банковские и страховые компании − типичные представители иных коммерческих юридических лиц. В данном случае специальная правоспособность обусловлена не столько организационно-правовой формой субъекта, сколько уникальным характером его деятельности. Подобная специфика, отличающаяся высокой сложностью, объективно диктует необходимость сосредоточить все ресурсы исключительно на её осуществлении. Особый интерес вызывает сама манера, в которой раскрывается концепция специальной правоспособности. В отличие от прочих коммерческих структур со специальной правоспособностью, где законодатель избирает разрешительный метод регулирования, допуская лишь ту деятельность, что соответствует их предмету и целям, к данным организациям применима иная логика. Для них действует прямой запрет на осуществление любых действий, выходящих за рамки предписанной законом сферы. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г.[33] статус банка закрепляется за кредитной организацией, обладающей исключительными полномочиями на проведение всего комплекса операций, перечисленных в данной статье. В статье 5 данного закона приводится детализация операций, которые банк вправе осуществлять. Однако законодатель не ограничивает деятельность кредитных учреждений исключительно этим перечнем, оставляя возможность для совершения иных

[32] П.3 ст. 2 Федеральный закон от 03.12.2011 N 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) "О хозяйственных партнерствах" // СЗ РФ. 2011. N 49 (часть V). С. 7058.
[33] Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 28.11.2025) "О банках и банковской деятельности" // СЗ РФ. 1996. № 6. С. 492.

ВКР УлГУ

сделок. В качестве естественного ограничителя выступает прямой запрет, закрепленный в той же статье закона: кредитным организациям не дозволено вести производственную, торговую или страховую деятельность. Статья 6 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 года устанавливает правоспособность страховщика, определяя его как коммерческую организацию, учрежденную в соответствии с законодательством для ведения деятельности по страхованию, перестрахованию, а также взаимному страхованию[34].

Подобная трактовка правоспособности отдельных коммерческих структур позволила ряду исследователей аргументировать существование не только общей и специальной, но и третьей разновидности – исключительной правоспособности[35]. Ее рамки, в отличие от специальной, характеризуются повышенной строгостью.

Согласно положениям статьи 49 Гражданского кодекса, утрата юридическим лицом правоспособности происходит непосредственно в момент фиксации в Едином государственном реестре юридических лиц данных о его прекращении. Фактически, существование организации завершается с внесением в ЕГРЮЛ соответствующей записи, что осуществляется в рамках процедуры, регламентированной законодательством о государственной регистрации[36].

Обратимся к одному из факторов, формирующих правоспособность организации.

Согласно статье 1474 Гражданского кодекса, фирменное наименование наделяет юридическое лицо исключительными правомочиями. Это право позволяет использовать его в качестве средства индивидуализации всеми

[34] Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 20.02.2026) "Об организации страхового дела в Российской Федерации" // Российская газета. 1993. № 6.
[35] Тосунян Г., Викулин А. Исключительная правоспособность банка // Хозяйство и право. 1999. № 5. С. 59.
[36] Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // СЗ РФ. 2001. № 33. С. 3431.

ВКР УлГУ

законными методами. Указание наименования допустимо на вывесках и бланках, в счетах и прочих документах. Его размещение в рекламных объявлениях, на товарах или их упаковках, а также в пространстве сети «Интернет» также входит в объем данных правомочий. Согласно положениям пункта 3 статьи 1474 Гражданского кодекса, введение в хозяйственный оборот фирменного наименования, которое совпадает с уже зарегистрированным названием другой организации или является с ним сходным до степени смешения, признается неправомерным. Данный запрет действует при одновременном соблюдении двух условий. Во-первых, компании должны вести одну и ту же или схожую экономическую деятельность. Во-вторых, приоритет отдается тому фирменному наименованию, которое было внесено в Единый государственный реестр юридических лиц раньше.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда, содержащимся в пунктах 151 и 152 Постановления № 10[37], преимущество в защите исключительного права принадлежит юридическому лицу, зарегистрированному в ЕГРЮЛ первым. Этот приоритет не ставится в зависимость от фактического начала хозяйственной деятельности. Однако суд вправе отказать в такой защите, если будет установлено, что регистрация и последующая деятельность преследовали единственную цель − незаконно присвоить деловую репутацию другого субъекта[38].

Для возникновения правовой охраны фирменного наименования в случае сходства до степени смешения с названием другого субъекта необходимо, чтобы оба юридических лица вели аналогичную деятельность. В частности, судебная практика демонстрирует отказ в защите, когда установлено, что ответчик не занимается той же деятельностью, что и истец. Кроме того, суд указал, что право на фирменное наименование у истца

[37] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.
[38] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 № 88-16775/2021 по делу № 2-6143/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ВКР УлГУ

возникло лишь 17.05.2019 г., тогда как ответчик зарегистрировал спорные доменные имена в декабре 2018 - январе 2019 года[39].

Правоспособность юридического лица формируется, в том числе, его органами. Их деятельность регламентируется законодательством, прочими нормативными актами и положениями учредительных документов. Именно посредством этих структур организация реализует возможность обретать гражданские права и возлагать на себя соответствующие обязанности. Данный правовой механизм закреплен в пункте 1 статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно теории реального субъекта, наделение дееспособностью представителя организации частично восполняет её собственную правоспособность. Эта концепция находит подтверждение в действующем законодательстве, а именно в пункте 1 статьи 53 Гражданского кодекса. В указанной норме отсутствует упоминание о физических лицах-представителях как о самостоятельных субъектах, в то время как орган юридического лица самостоятельным субъектом права не признаётся.

Возрождаемая теорией фикции концепция рассматривает органы юридического лица − в первую очередь единоличный исполнительный орган − в качестве его законного представителя. Согласно одной из правовых позиций, полномочия единоличного исполнительного органа проистекают непосредственно из предписаний законодательства[40]. Это обстоятельство и наделяет его статусом законного представителя хозяйственного общества. Окончательное разрешение данного правового вопроса произошло после публикации Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 года. В пункте 121 этого документа судебный орган высшей инстанции сформулировал правовую позицию, согласно которой полномочия

[39] Апелляционное определение Московского городского суда от 08.07.2020 по делу № 3320286/2020 // СПС КонсультантПлюс.
[40] Егоров А.В. Директор является представителем компании. Что это значит для оборота // Арбитражная практика. 2015. № 1. С. 23-31.

ВКР УлГУ

представителя, как это установлено пунктом 1 статьи 182 Гражданского кодекса, проистекают из нескольких источников. Таковыми признаются доверенность, прямое предписание закона, а также соответствующий акт государственного или муниципального органа. Кроме того, они могут быть очевидны из самой ситуации, в рамках которой действует представитель. Регламентация процедуры выдачи и реализации полномочий закреплена положениями десятой главы Гражданского кодекса Российской Федерации. Особый характер представительства юридического лица заключается в том, что оно реализует гражданские права и принимает на себя обязанности посредством собственных органов. Данный механизм предполагает применение норм законодательства о юридических лицах. В связи с этим к действиям органов компании применимы лишь отдельные положения главы 10 Гражданского кодекса. Речь идет о пунктах 1 и 3 статьи 182, а также статье 183 ГК РФ. Если полномочия единоличного исполнительного органа возложены на нескольких лиц, дополнительно применяется пункт 5 статьи 185 ГК РФ[41].

Верховный Суд Российской Федерации ограничил сферу действия общих положений о представительстве применительно к органам юридического лица, допустив их использование лишь в ситуациях, не урегулированных специальными нормами. Хотя данные разъяснения, безусловно, не устранили всех спорных моментов в вопросе представительства организации ее органами[42], они позволили разрешить некоторые из них.

4. Самостоятельная гражданско-правовая ответственность. Проблема гражданской ответственности обретает особую остроту в условиях участия в обороте юридических лиц со сложной внутренней архитектурой. В подобных случаях требуется концепция, разводящая решение вопросов ответственности

[41] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

[42] Карапетов А.Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 86-87.

ВКР УлГУ

по двум направлениям: установление виновного субъекта и определение субъекта, на которого эта ответственность будет возложена. Совершенствование механизма реализации такой ответственности сопряжено с необходимостью выявления признаков противоправного поведения организации. Такое поведение может выражаться либо в выходе за границы допустимого предпринимательского риска, либо в форме злоупотребления предоставленными законом правами. Анализ затрагивает и другую сложную проблему − установление вины самого юридического лица[43].

Интерпретация норм Гражданского кодекса, в особенности статьи 56, позволяет утверждать, что юридические лица выступают субъектами гражданско-правовой ответственности. При этом правовой статус учредителей обособлен от статуса самого образования, которое наделено автономным юридическим положением. Под организацией же понимается закрепленная законом структура, обладающая конкретной организационно-правовой формой и функционирующая как самостоятельный участник гражданского оборота. Следовательно, юридическое лицо можно рассматривать в качестве полноценного субъекта гражданских правоотношений[44].

Ответственность юридических лиц в гражданском праве выступает родовой категорией, охватывающей также действия граждан. Преимущественно она носит имущественный характер. Однако возможны и неимущественные формы, как, например, при защите деловой репутации[45].

Статья 56 Гражданского кодекса РФ устанавливает возможность привлечения к ответственности юридических лиц. Это касается, в частности, ситуаций, когда организация выступает в качестве учредителя или собственника имущества другого юридического лица. Основания для такой

[43] Долинская В.В. Специфика ответственности по субъектному составу правоотношений // Lexrussica. 2017. № 5. С. 59-69.

[44] Быковская И.А., Михневич А.В. Проблема привлечения юридических лиц к гражданско-правовой ответственности // Вестник науки. 2019. Т. 4. № 6 (15). С. 141-145.

[45] Дмитриева О.В. Проблемы применения некоторых форм гражданско-правовой ответственности за причинение неимущественного (репутационного) вреда юридическому лицу // Наука и образование. 2015. № 7. С. 66-70.

ВКР УлГУ

ответственности должны быть прямо закреплены в гражданском законодательстве. Они возникают, во-первых, при нарушении условий договора, что влечет договорную ответственность. Во-вторых, основанием служит причинение вреда, как правило, не связанного с договорными отношениями, − здесь речь идет об ответственности внедоговорной.

Следовательно, под деликтоспособностью организации понимают её правовую возможность самостоятельно отвечать за собственные гражданско-правовые деликты. Нормы, закрепляющие базовые начала такой ответственности, проистекают из автономного юридического статуса организации и обусловлены потребностью в защите прав её контрагентов.

Пункт 1 статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации закладывает правовой фундамент для деликтоспособности организаций. Суть данного положения заключается в следующем: обладая обособленным имуществом, юридическое лицо несет ответственность по собственным обязательствам именно этим имуществом[46]. Данный принцип, проистекающий из самостоятельной правосубъектности организации, служит ключевой гарантией защиты интересов ее кредиторов.

В Постановлении от 08.12.2017 № 39-П[47] Конституционный Суд РФ обозначил свою позицию, затрагивающую проблему границ самостоятельности юридического лица. Данный подход актуализирует следующий вывод: все существующие доктрины, раскрывающие природу этого субъекта права, в конечном счете сводятся к двум основополагающим концепциям.

1) Согласно концепции фикции, юридическое лицо не обладает собственной субъектностью; оно представляет собой лишь инструмент, опосредующий волю подлинных носителей прав − физических лиц.

[46] Сумской Д.А. Статус юридических лиц: учебное пособие для вузов. – М.: «Юстицинформ», 2006. С. 59.

[47] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

ВКР УлГУ

2) В противовес этому, теория реального субъекта рассматривает организацию как автономного носителя прав, способного к самостоятельному волеизъявлению.

Сопоставление двух теоретических подходов выявляет их принципиальное расхождение в механизмах привлечения к ответственности. С позиции теории реальности, субъектом ответственности выступает само юридическое лицо как самостоятельный носитель прав и обязанностей. В рамках же фикционной концепции, где организация рассматривается как искусственная конструкция, разрешение вопроса об ответственности неизбежно смещается в плоскость оценки поведения физических лиц, чьими решениями и действиями эта конструкция «оживляется». Однако действующее российское законодательство, закрепляя конструкцию юридического лица, и сложившаяся правоприменительная практика порождают правовую неопределенность относительно доминирующей доктрины и последовательности в регулировании его правового положения[48].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность организации адресована в конечном счете ее собственникам и управленцам. Ее задача − побудить их к строгому соблюдению правовых предписаний, что служит действенным средством предотвращения убытков, главным образом финансовых, для самого юридического лица.

В соответствии с пунктом первым статьи 48 Гражданского кодекса, юридическое лицо обладает правом выступать в судебном процессе как в роли истца, так и ответчика. Эта процессуальная правоспособность завершает перечень его фундаментальных характеристик.

В качестве иллюстрации можно обратиться к судебному решению, где образование было признано юридическим лицом. Основанием для такого вывода послужило наличие у него всей совокупности установленных законом

[48] Залавская О.М., Гончарова В.С. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц // Наука и просвещение. 2018. С. 163-165.

ВКР УлГУ

признаков. В частности, суд указал, что воинская часть обладает статусом юридического лица, поскольку «обладает имуществом на праве оперативного управления, уполномочена заключать от своего имени договоры и принимать вытекающие из них обязательства, несет ответственность по долгам находящимися в ее распоряжении денежными средствами, ведет самостоятельный бухгалтерский баланс, располагает расчетным счетом и состоит на учете в налоговом органе»[49].

§ 3. Эволюция видов юридических лиц в российском законодательстве

Классификация юридических лиц в отечественном правовом поле не оставалась неизменной. Её трансформация происходила со сменой исторических эпох и развитием самого правового института.

Для углубленного анализа исторической динамики видов юридических лиц в отечественном правопорядке целесообразно привлечь исследование О.В.Закуракиной[50]. В нем последовательно раскрываются стадии формирования данного института, выделяются его сущностные свойства и прослеживаются векторы дальнейшей трансформации.

Историческое становление института юридического лица в российском правопорядке условно укладывается в пять хронологических этапов:

1. Эпоха простейших форм предпринимательства и совместного труда;
2. Зарождение и эволюция промышленных предприятий (организаций), формирование «рыночного оборота»;
3. Возникновение и становление новых частных форм промышленных и аграрных организаций;

[49] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 мая 2018 г. по делу № А53-11498/2017 // СПС КонсультантПлюс.
[50] Закуракина О.В. Становление института юридического лица в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 16. С. 108-113.

ВКР УлГУ

4. Советский период – «трансформация» юридического лица в условиях советской действительности;

5. Постсоветский этап современной России – принятие нового Гражданского кодекса РФ.

Коллективные, или общинные, формы хозяйствования имеют глубокие исторические корни в русской традиции. Одним из ранних прообразов юридических лиц можно считать институт «складничества», возникший в новгородских землях в XIII столетии. Его сущность заключалась в договорном объединении купцов, выступавших далее как единый торговый субъект. На протяжении XIII–XVII веков эта модель совместной деятельности получила повсеместное распространение, охватив не только торговлю, но также сельское хозяйство и разнообразные промыслы. Помимо складничеств, историческая наука фиксирует и иные формы трудовых объединений: к примеру, промысловые артели на русском севере, а также южные «ватаги» и «помытчиков», занятых рыболовством и солеварением.

Помимо элементарных купеческих союзов, в торговой практике Древней Руси формировались и гораздо более сложные организационные структуры. Их становление и функционирование было неразрывно связано с Русской православной церковью, пользовавшейся особым покровительством и льготами со стороны государства. Еще в домонгольский период возникли специфические «храмовые» товарищества купцов. В них консолидировались торговцы, ведущие дела с государствами Северной и Западной Европы.

Помимо коммерческих предприятий хозяйственную автономию демонстрировали и церковные структуры. Монастыри, к примеру, нередко становились наследниками солидных капиталов, управляя ими совершенно самостоятельно. Княжеские пожертвования также пополняли церковную казну, открывая возможность для оборота этих средств − чаще всего в торговых операциях.

ВКР УлГУ

До 1551 года церковные организации обладали практически полной экономической автономией, выступая в имущественных сделках самостоятельным субъектом. Лишь тогда последовали царские указы, ограничившие их деятельность: монастырям предписали покупать и продавать земли исключительно с высочайшего соизволения, а духовенству − вовсе запретили ростовщические операции, будь то в денежном или натуральном выражении.

Торговые дома также представляют собой особую форму хозяйственной деятельности, во многом сходную с конструкцией юридического лица. Ярчайшим историческим примером здесь служит торгово-промышленный дом Строгановых, функционировавший в качестве консолидированной коммерческой организации.

По оценкам ряда исследователей, прогресс в развитии предпринимательских корпораций фактически замер. Это состояние стагнации продлилось вплоть до рубежа XVIII столетия. Основной причиной подобного застоя выступала их глубокая изоляция, одновременно географическая и экономическая.

Перелом в этой области наметился лишь к восемнадцатому столетию. Ряд историков и правоведов отводят Петру Великому особую роль, связывая его правление с активным распространением на российской почве современных для той эпохи организационно-правовых моделей коммерческой деятельности.

В рамках масштабных преобразований, затронувших все сферы государственного и общественного устройства, Петр I предписал российскому купечеству перенять западный опыт, организовав торговлю «компаниями»[51].

Следует учитывать, что в тот исторический период в России отсутствовала частная собственность на средства производства. Все

[51] Указ Петра I «О торговых компаниях» от 27 октября 1699 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. № 7207. С. 76. (Утр. силу).

ВКР УлГУ

промышленные объекты − шахты, фабрики и прочие предприятия − находились в фактической монопольной собственности государства. Данное обстоятельство заставляет с большой осмотрительностью подходить к вопросу о правовой состоятельности института юридического лица в указанную эпоху.

Екатерина II законодательно закрепила право частной собственности на средства производства. Ее указ разрешил открывать фабрики любому желающему, без территориальных или сословных ограничений. Параллельно при ее правлении началось активное развитие акционерных обществ. Пионером в этой области выступила «Российская в Константинополе торгующая компания», основанная 24 февраля 1757 года.

Возникновение новых коммерческих структур закономерно потребовало формирования новой правовой базы. В России в этом отношении стал Указ от 6 сентября 1805 года, где впервые на законодательном уровне зафиксировали принцип ограниченной ответственности акционеров по долгам компании[52]. Далее, Манифест Александра I от 1 января 1807 года ввел три основные формы предпринимательских объединений: полное товарищество, товарищество на вере и товарищество по участкам, ставшее прообразом будущего акционерного общества[53]. Позднее, 6 декабря 1836 года, Николай I своим Манифестом утвердил «Положение об акционерных компаниях»[54]. Вся сложившаяся к тому времени система юридических лиц, включая коммерческие и некоммерческие организации, нашла свое отражение и консолидацию в Своде законов Российской империи.

ВКР УлГУ

[52] Указ Правительствующего сената России от 6 сентября 1805 года «Об ответствовании акционерным компаниям, в случае взыскания, одним складочным капиталом». // Полное собрание законов Российской империи. Т. 28. № 21900. С. 1211. (Утр. силу).

[53] Манифест Александра I от 1 января 1807 года «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. № 22418. С. 970. (Утр. силу).

[54] Закон для компаний на акциях от 6 декабря 1836 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. № 9763. С. 257. (Утр. силу).

Становление капиталистических отношений в России остро поставило вопрос о необходимости иных организационных моделей в аграрном секторе. Эту потребность удовлетворило кооперативное движение. Особое значение приобрело формирование к рубежу XX столетия сельскохозяйственных сбытовых товариществ как особого типа аграрной кооперации, параллельно с чем происходило создание кооперативных союзов.

В период проведения столыпинской аграрной реформы[55] государство оказывало кооперативному движению всестороннюю поддержку, что послужило катализатором его дальнейшего бурного развития. Помимо традиционных форм сельскохозяйственной кооперации, таких как потребительские общества, кредитные и сбыто-снабженческие товарищества, начали активно формироваться и принципиально новые, более сложные объединения. К ним относились товарищества по совместной обработке земли и аренде угодий, чья ключевая задача заключалась в повышении производительности аграрного труда через его обобществление. С началом Первой мировой войны появились тысячи кооперативов, выполнявших заказы военных ведомств.

На рубеже XIX и XX столетий российские правоведы активно трудились над созданием проектов Гражданского уложения. В рамках этой масштабной кодификационной работы авторы стремились развить и усовершенствовать правовые нормы, регулирующие статус юридических лиц. Несмотря на значительные усилия и проработанность концепций, ни один из этих проектов в итоге не обрел силы закона.

Свершившаяся в 1917 году Октябрьская революция привела к упразднению подавляющего большинства организационно-правовых форм, известных до этого момента. В новых экономических реалиях доминирующее положение заняли предприятия, находившиеся в собственности государства.

[55] Столыпинская аграрная реформа − обобщённое название широкого комплекса мероприятий в области сельского хозяйства, проводившихся правительством России под руководством П. А. Столыпина, начиная с 1906 года.

ВКР УлГУ

В двадцатые годы, в эпоху Новой экономической политики, наблюдалось частичное восстановление прежних организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов.

Безусловным шагом вперед в развитии корпоративного права стало принятие Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.[56] Данный кодифицированный акт опирался на дореволюционные законодательные нормы и правоприменительную практику, одновременно выведя их на качественно иную ступень развития. Именно в его рамках впервые в отечественной правовой традиции было сформулировано определение юридического лица. Предложенная им систематизация данных субъектов права в своей основе сохраняется и в современном российском законодательстве. К началу 1930-х годов основная масса норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, равно как и последующих актов, регулировавших статус юридических лиц, фактически утратила свою практическую силу. В двадцатом столетии на долгие годы доминирующей хозяйственной единицей выступило государственное предприятие, а также его организационные модификации − тресты и синдикаты, впоследствии эволюционировавшие в объединения предприятий. Дальнейшее становление данной правовой конструкции обусловили нормативные документы, изданные в СССР и РСФСР. Впоследствии её детальному анализу посвятили свои труды советские цивилисты.

В качестве следующего базового правового акта, значительно превосходящего предшественника по объему и структурной сложности, выступил Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 года[57].

В контексте расширения законодателем перечня организационно-правовых форм особого внимания заслуживает статья 24 рассматриваемого

[56] Гражданский кодекс РСФСР (утв. IV сессией ВЦИК РСФСР IX созыва 31.10.1922 года) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. С. 904. (Утр. силу).
[57] Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. С. 407. (Утр. Силу).

ВКР УлГУ

кодекса. Данная норма устанавливает классификацию юридических лиц, выделяя их основные типы:

1. К первой категории относятся государственные предприятия и аналогичные им организации, ведущие хозяйственную деятельность на принципах хозрасчета, обладающие обособленными основными и оборотными фондами, а также самостоятельным балансом;

2. Вторую группу составляют учреждения и прочие госорганизации, финансируемые из государственного бюджета и оперирующие на основе утвержденной сметы;

3. Сюда же причисляются руководители, наделенные полномочиями распорядителей кредитов, за исключением случаев, прямо оговоренных законодательством;

4. Наконец, это государственные структуры, чье финансирование осуществляется из иных источников, при наличии у них как самостоятельной сметы, так и отдельного баланса.

Процесс восстановления института юридических лиц, органичного для полноценного гражданского оборота, берет свое начало в поздние восьмидесятые годы минувшего столетия. На исходном этапе перестройки советское законодательство вновь легализовало хозяйственные общества, ранее исключенные из правового поля. Параллельно происходила активная кодификация норм, регулирующих деятельность кооперативов. Правовая система того периода также породила ряд гибридных, переходных организационно-правовых форм. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик определили структуру юридических лиц, которая впоследствии была инкорпорирована в Гражданский кодекс Российской Федерации. Отдельные элементы данной системы, применимые исключительно к коммерческим структурам, были закреплены в Законе

ВКР УлГУ

РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1990 года[58]. Однако эта конструкция отличалась известной неполнотой. Лишь спустя несколько лет, после устранения многочисленных дефектов, пробелов и внутренних коллизий в правовом регулировании начала 1990-х, законодатель в 1994 году утвердил первую часть Гражданского кодекса РФ. Именно его четвертая глава послужила базисом, на котором впоследствии выстроилось современное корпоративное право России[59].

Формирование института юридического лица в России уходит корнями в глубокую историю. Его эволюция прослеживается в нескольких измерениях: сквозь призму исторического развития, в рамках законодательных преобразований и через призму правоприменительной практики.

Вплоть до завершения XVII столетия институт юридического лица не пользовался в России широким распространением, что объяснялось узостью товарно-денежного обмена.

Массовое внедрение юридических лиц началось параллельно с легализацией частной собственности и расширением рыночных отношений. Тогда же стали активно применяться акционерные общества и кооперативные объединения в сельском хозяйстве.

События Октября 1917 года привели к упразднению преобладающей части прежних организационно-правовых форм. Фактически монопольное положение в хозяйственной сфере заняли предприятия, принадлежащие государству.

Возвращение хозяйственных обществ в правовое поле страны произошло лишь на исходе восьмидесятых годов. А также возник целый ряд переходных, ранее неизвестных форм юридических лиц.

ВКР УлГУ

[58] Закон РСФСР от 25.12.1990 N 445-1 (ред. от 30.11.1994) "О предприятиях и предпринимательской деятельности" // СПС КонсультантПлюс (Утр. силу).
[59] Дроздов М.А. История развития института юридического лица в России // Вестник науки. №6 (75) том 5. 2024. С. 286 - 291.

Принятие в 1994 году первой части Гражданского кодекса Российской Федерации ознаменовало собой формирование новой правовой реальности. Именно положения главы IV этого кодифицированного акта легли в основу, на которой впоследствии выстроилась вся система современного корпоративного законодательства России.

Глава 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

§ 1. Классификация юридических лиц по характеру их деятельности

В соответствии с положениями статьи 50 Гражданского кодекса РФ, законодатель устанавливает принципиальное разграничение организаций, обладающих статусом юридического лица. Критерием выступает характер их деятельности, что позволяет выделить две фундаментальные категории: коммерческие и некоммерческие.

В действующем законодательстве дифференциация коммерческих и некоммерческих организаций осуществляется на основании двух фундаментальных признаков. Первый из них − целевая направленность деятельности, выступающая в качестве ее главного ориентира. Второй же критерий заключается в правомочии либо, напротив, в отсутствии права распределять полученную прибыль среди участников данного юридического лица.

В отличие от коммерческих структур, чья деятельность прямо ориентирована на получение дохода, для некоммерческих организаций законодатель не устанавливает единого, нормативно закрепленного целеполагания. В соответствии с пунктом 2 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»[60] определен лишь открытый перечень возможных направлений их функционирования. К таковым отнесены социальные, благотворительные, культурные, образовательные, научные и

[60] Федеральный закон от 12.01.1996 г. N 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. N 3. С. 145.

ВКР УдГУ

управленческие задачи, равно как и иные виды деятельности, преследующие общественно полезные результаты.

Разделение юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, закрепленное в Гражданском кодексе РФ, обладает существенной практической ценностью. Однако пробелы и внутренние противоречия в законодательстве нередко приводят к парадоксальной ситуации: формально сохраняя статус некоммерческих, организации фактически превращаются в коммерческие предприятия. Утрачивая изначальную миссию − служение общественно полезным целям,−они концентрируют ресурсы на извлечении прибыли. Полученные средства, вопреки уставным задачам, зачастую трансформируются в доход учредителей. Подобная практика стала отличительной чертой современной российской действительности, что неизбежно порождает дисбаланс в системе общественных отношений.

Чтобы избежать подобных нежелательных последствий, необходимо найти баланс. С одной стороны, гражданский оборот объективно нуждается в гарантиях, защищающих права кредиторов и участников некоммерческих структур. С другой − требуется правовая база, позволяющая таким организациям полноценно функционировать, включая, при определенных условиях, их вовлечение в хозяйственную деятельность.

Классификация юридических лиц на союзы и учреждения уходит корнями в римскую правовую традицию. По наблюдениям И.А. Покровского, в форму союза облекались разнообразные торгово-промышленные предприятия, равно как и многочисленные объединения, преследующие нематериальные цели − религиозные, научные, артистические или спортивные[61]. Однако реализация некоторых из выявленных задач, таких как призрение бедных или развитие просвещения, потребовала их обособления от конкретного физического лица. Достигалось это посредством выделения

[61] Покровский И. А. История Римского права. - Петроград : изд. юрид. кн. скл. "Право", 1917. С. 25.

ВКР УлГУ

имущества и создания специальных органов, призванных управлять им в строгом соответствии с установленным предназначением.

Еще в эпоху римского права юристы фиксировали принципиальную разницу в целях учреждения юридических лиц. Одни корпорации учреждались исключительно для обслуживания частных интересов своих создателей. Иные же изначально ориентировались на достижение общественно значимых, по сути альтруистических задач.

Примечательно, что порой сам законодатель допускает смешение функциональных признаков коммерческих и некоммерческих организаций, тем самым подрывая четкость этого фундаментального для гражданского права разграничения. Яркий пример − положения ст. 3 и 4 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации»[62], где сельскохозяйственный кооператив определяется либо как производственный, либо как потребительский. Аналогичная ситуация возникает согласно п. 1 ст. 10 Федерального закона «О физической культуре и спорте в РФ»[63]: физкультурно-спортивные организации вправе учреждаться и как коммерческие, и как некоммерческие структуры. Это порождает правовую неопределенность. Какие именно критерии должны лечь в основу выбора учредителями организационно-правовой формы −вопрос, оставленный без ответа.

Следовательно, всесторонний анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих функционирование некоммерческих юридических лиц, приводит к выводу: требуется сформулировать непротиворечивую концепцию построения их системы. Данный процесс должен протекать параллельно с модернизацией законодательства о коммерческих организациях.

Формируя классификацию юридических лиц по признаку коммерческой или некоммерческой направленности, отечественный законодатель отчасти

[62] Федеральный закон от 08.12.1995 N 193-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О сельскохозяйственной кооперации" // СЗ РФ. 1995. № 50. С. 4870.
[63] Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2007. № 50. С. 6242.

ВКР УлГУ

опирается на правовые модели, выработанные в зарубежной практике. Немецкое гражданское право, в частности, опирается на данный критерий для дифференциации коммерческих и некоммерческих организаций. В зарубежных правопорядках принципиальное значение приобретает вопрос о том, насколько тесно предпринимательская активность некоммерческих структур, включая благотворительные общества, сопряжена с достижением их уставных общественно полезных задач. Предпринимательская деятельность, не связанная с заявленными уставными целями, для некоммерческих организаций облагается в менее благоприятном налоговом режиме. В отличие от нее, доходы от деятельности, непосредственно сопряженной с этими целями, пользуются существенными преференциями. В законодательстве Великобритании установлено ограничение для благотворительных обществ: доля коммерческой деятельности, не связанной напрямую с их уставными общественно полезными задачами, не должна превышать десяти процентов от общего объема операций. Прямое ведение коммерческой деятельности для благотворительного общества законодательно недопустимо. Законодатель устанавливает обязательное условие: для реализации подобных задач общество обязано создать отдельную хозяйственную корпорацию[64].

Действующее гражданское законодательство не содержит легальной дефиниции «основной цели деятельности» применительно к некоммерческим организациям. Более того, в нормах права отсутствуют какие-либо критерии, позволяющие провести содержательное разграничение между деятельностью основной и той, что таковой не является. Законодательство устанавливает для отдельных некоммерческих организаций задачи, по своей сути приближенные к коммерческим. Так, потребительский кооператив формируется с целью ведения торговой, заготовительной или производственной деятельности. Автономная некоммерческая организация, в свою очередь, учреждается для

[64] Крылова Ю. А Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие: взгляд на проблему // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 50.

ВКР УлГУ

оказания услуг в сферах образования, здравоохранения, культуры, науки, юриспруденции, физической культуры и спорта, а также иных аналогичных услуг. Автономная некоммерческая организация, учрежденная для ведения образовательной деятельности, вправе извлекать доход. Это достигается за счет оказания платных образовательных и консультационных услуг. Допускается также производство и реализация учебников, методических пособий, программного обеспечения и прочих необходимых для обучения товаров. Еще одним источником финансирования может выступать сдача в аренду принадлежащих организации помещений.

Тем не менее, даже закрепление в законе критериев «основной» деятельности некоммерческой организации не решило бы проблему. Осталась бы неясность: можно ли считать эту деятельность сугубо предпринимательской или же она носит некоммерческий характер. Дело в том, что идентичные действия могут преследовать двойную цель − как реализацию уставных задач НКО, так и получение дохода. Некоммерческая структура, чьим уставным предназначением выступает содействие физической культуре и спорту, вправе реализовывать свою деятельность на возмездной, то есть приносящей доход, основе. Здесь деятельность организации, по своей сути предпринимательская, преследует и общественно значимую цель − развитие физической культуры и спорта. Определить, какая из целей − извлечение прибыли или общественная польза −выступает в качестве основной, а какая − второстепенной, представляется сложной задачей[65]. Их соотношение, как минимум, можно считать равнозначным.

В качестве иллюстрации можно обратиться к судебным прецедентам. Так, Верховный суд Российской Федерации неоднократно квалифицировал как неправомерную коммерческую активность некоммерческих структур, если она вступала в противоречие с задекларированными в их уставах

[65] Заикин Д.П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 7.

ВКР УлГУ

задачами. В частности, была признана противозаконной хозяйственная деятельность Ассоциации общественных объединений "Международная конфедерация союзов художников", выразившаяся в извлечении прибыли от аренды недвижимых помещений[66]. Суд установил, что подобные действия выходят за рамки уставных целей данной организации.

В судебной практике встречается и иной прецедент. Международный общественный фонд «Всемирный азербайджанский культурный фонд» был уличен в незаконном ведении предпринимательства. Суд установил, что его действия по регулированию и содействию эффективной экономической деятельности предприятий выходили за рамки, установленные уставом организации, и не соответствовали ее заявленным целям и видам деятельности[67].

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 23.1 ФЗ «О некоммерческих организациях» регистрирующий орган вправе отказать в создании юридического лица. Основанием для такого отказа служит несоответствие устава или иных представленных на госрегистрацию документов требованиям Конституции и федерального законодательства[68].

Рассматривая дело об оспаривании отказа в регистрации благотворительного фонда, вынесенного главным управлением Минюста по Москве, Московский городской суд в кассационном порядке оставил без изменения решение первой инстанции. Суды солидарно сочли отказ правомерным. В основе их вывода лежало установленное несоответствие: разрешение фонду, согласно его уставу, вести образовательную, медицинскую или иную хозяйственную деятельность вступало в прямое противоречие с

[66] Определение Верховного Суда РФ от 12 июля 2017 г. N АКПИ17-525 // СПС Гарант.
[67] Определение Верховного Суда РФ от 25.11.2020 N АКПИ20-863 // СПС Гарант.
[68] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Режим доступа URL: https://www.pravo.gov.ru.

ВКР УлГУ

закрепленными в том же документе и исчерпывающе определенными общественно полезными целями его создания[69].

В пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» закреплены критерии, позволяющие идентифицировать предпринимательскую деятельность. К их числу отнесены: систематическая ориентация на извлечение прибыли посредством пользования имуществом, реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг; самостоятельный характер ведения такой деятельности; наличие предпринимательского риска; а также легитимация субъекта, её осуществляющего. Пункт 2 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» определяет возможные цели их учреждения. Законодатель допускает создание таких структур для реализации социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих задач. К допустимым целям также отнесены охрана здоровья населения, развитие физической культуры и спорта, удовлетворение духовных и прочих нематериальных запросов граждан. Помимо этого, закон включает в этот перечень защиту прав и охраняемых законом интересов как физических, так и юридических лиц, урегулирование споров и конфликтных ситуаций, оказание правовой поддержки. Наконец, норма предусматривает возможность создания некоммерческих организаций для достижения иных общественно полезных целей, способствующих общественному благу. Но в чем же состоит принципиальное различие между оказанием услуг на возмездной основе обществом с ограниченной ответственностью и аналогичной деятельностью частной школы, имеющей статус некоммерческой организации?

[69] Определение Московского городского суда от 26 июля 2011 г. по делу № 33-23218 // СПС КонсультантПлюс.

ВКР УлГУ

При анализе функционального подхода к классификации некоммерческих организаций, который базируется на целевой направленности их деятельности, Д.И. Степанов обращается к случаю образовательного учреждения, втянутого в процесс коммерциализации. Его наблюдение фиксирует устойчивую тенденцию: по мере перехода на самоокупаемость удельный вес предпринимательских операций внутри таких структур неуклонно возрастает. Это порождает закономерную проблему: не подменит ли в итоге извлечение дохода изначальные уставные задачи, особенно когда речь идет о предоставлении платных образовательных услуг. Конкретным проявлением данной дилеммы становится вопрос о допустимости распределения полученных средств в форме вознаграждений за услуги или труд, что потенциально может обойти установленный законодательный запрет[70].

Сегодня нередко можно встретить ситуацию, когда некоммерческие структуры оправдывают занятие бизнесом необходимостью реализации своих уставных задач. Однако за этой внешне благовидной формулировкой зачастую маскируются откровенно коммерческие интересы, далекие от декларируемой общественной пользы.

Е.А. Суханов, рассматривая вопрос об имущественной базе некоммерческих организаций, предлагает для них два основных пути ее формирования. Речь идет о благотворительных, религиозных и иных общественных объединениях. Первый вариант — это использование добровольных взносов и пожертвований, поступающих от их участников или учредителей. Второй, альтернативный способ, заключается в получении доходов от коммерческой деятельности. Для этого сами организации могут выступить учредителями хозяйственных обществ или товариществ, которые и

[70] Степанов Д.И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13.

ВКР УлГУ

будут генерировать необходимые финансовые ресурсы. В подобной ситуации юридические лица, выступая в качестве рядовых предпринимателей, интегрируются в имущественный оборот на общих основаниях. Это, в свою очередь, позволяет их учредителям сконцентрировать все усилия на профильной деятельности, изначально определившей цель создания организации. Подобные организации, будучи юридическими лицами, обязаны сосредоточить свою работу на оперативной хозяйственной практике. Сюда входит ремонт или сдача в аренду помещений, обслуживание транспортных средств и прочего оборудования, а также выпуск печатной продукции. Лишь при таком условии их деятельность обретает подлинно вспомогательную природу[71].

Рассмотрение предпринимательской активности некоммерческих структур в качестве «неосновной» цели их функционирования выявляет внутреннюю логическую коллизию. По своей природе коммерческая деятельность для субъекта, ее осуществляющего, способна выступать исключительно в роли главной цели. Она не подчиняется иным задачам, кроме задачи извлечения прибыли. Анализ дефиниции предпринимательской деятельности, закрепленной в статье 2 Гражданского кодекса, позволяет сделать еще один важный вывод. Согласно данной норме, вести такую деятельность правомочны исключительно особые субъекты. Речь идет о лицах, прошедших предусмотренную законом процедуру государственной регистрации в статусе предпринимателя. Очевидно, что некоммерческие организации в любом случае не входят в круг таких лиц. Следовательно, приведённое положение статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации вступает в прямое противоречие с нормой самой этой статьи.

На наш взгляд, куда более весомой и принципиальной представляется инициатива, предполагающая установление абсолютного запрета на ведение

[71] Суханов Е. А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. №1. С. 79.

ВКР УлГУ

коммерческой деятельности для организаций некоммерческого профиля. Подобная мера предоставит законодателю возможность закрепить в Гражданском кодексе РФ действенный механизм, препятствующий превращению некоммерческих организаций в инструменты для ведения бизнеса под прикрытием их уставных целей. Даже при условии легитимности подобной деятельности, доходы подобных структур зачастую остаются вне поля налогового декларирования. Альтернативой служит их опосредованное распределение, реализуемое через механизм фонда оплаты труда. Следовательно, предоставление государством налоговых льгот некоммерческим структурам лишено разумного обоснования и справедливости. Подобная практика закономерно порождает недоверие общества к таким организациям, включая благотворительные фонды.

С 20 февраля 2026 года начал действовать Федеральный закон № 30[72]. Его положения вносят существенную правку в несколько Федеральных законов. В частности, в ФЗ «О некоммерческих организациях» и других актах формулировка «предпринимательская деятельность» теперь заменена на «приносящую доход деятельность».

Причиной для принятия указанной нормы послужил ряд казусов, возникавших в правоприменительной деятельности. Речь идет о парадоксальных коллизиях, связанных с некоммерческими структурами. Банковские учреждения и налоговые инспекции, усматривая в операциях таких организаций признаки коммерческой активности, нередко приостанавливали действие их расчетных счетов, что порождало затяжные судебные разбирательства.

Сопоставление предпринимательской и приносящей доход деятельности выявляет их фундаментальное различие в целевом компоненте. Приносящая доход деятельность, в отличие от предпринимательской, изначально не

[72] Федеральный закон от 20.02.2026 N 30-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Режим доступа URL: https://www.pravo.gov.ru

ВКР УлГУ

ориентирована на систематическое извлечение прибыли. Её задача – обеспечение дохода, который может носить эпизодический или вспомогательный характер. Предпринимательство же, напротив, конституируется именно устойчивым, регулярным стремлением к получению прибыли как к своей основной цели.

Доход, извлекаемый некоммерческими организациями от осуществления приносящей доход деятельности, по своей правовой сути не может быть конечной целью. Эти средства подлежат реинвестированию в уставные задачи, что вытекает из самой природы таких юридических лиц, изначально не ориентированных на извлечение прибыли. Возьмем, к примеру, спортивную организацию, зарегистрированную в некоммерческой форме. Ее миссия − это развитие физической культуры в конкретном субъекте. Наряду с бесплатными соревнованиями она вправе организовывать платные тренировочные занятия. Финансовый результат от этой коммерческой услуги должен быть полностью направлен на реализацию основной, прописанной в уставе цели − популяризацию спорта в регионе.

Хоть данные изменения в законодательстве в отношении некоммерческих организаций являются, безусловно, положительными, однако до сих пор существует ряд проблем, связанных непосредственно с понятием приносящей доход деятельности. Например, в законодательстве отсутствует само понятие «приносящая доход деятельность», не установлены ее признаки, а также отсутствует четкий перечень видов приносящей доход деятельности, которые могут осуществлять некоммерческие организации.

Хочется верить, что все вышеперечисленные проблемы в скором времени будут устранены.

Согласно позиции ряда исследователей, в современных реалиях колоссальное значение приобретает и второй критерий – порядок распределения прибыли между членами некоммерческой организации.

ВКР УлГУ

Согласно положениям пункта 1 статьи 50 Гражданского кодекса, а также пункта 3 статьи 26 Федерального закона «О некоммерческих организациях», доходы, полученные такими юридическими лицами, не подлежат распределению среди их участников или членов. Данный правовой режим формирует принципиальную границу между коммерческим и некоммерческим сектором, закрепляя целевой характер использования финансовых результатов деятельности последних.

Не углубляясь в детальное исследование актуальных правовых норм, регламентирующих функционирование некоммерческих организаций, допустимо обратиться к конкретному случаю. В качестве иллюстрации выступают потребительские кооперативы: их доход, как установлено пунктом 2 статьи 36 Федерального закона от 08.12.1995 N 193-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О сельскохозяйственной кооперации», подлежит распределению среди участников. Если же говорить о прочих организационно-правовых формах некоммерческих организаций, то сегодня значительная их часть демонстрирует эффективные механизмы, позволяющие направлять прибыль от коммерческой активности в пользу своих членов. Эффективное управление выступает неотъемлемой потребностью для любой некоммерческой структуры. Управление организацией представляет собой оплачиваемую трудовую функцию, исполняемую физическими лицами. Таким образом, вознаграждение руководства некоммерческих организаций логично квалифицировать в качестве целевого расходования средств. Данные траты, источником которых служит доход от коммерческой активности, прямо служат выполнению уставных задач НКО.

Следовательно, два базовых критерия, закрепленные отечественным правом для дифференциации коммерческих и некоммерческих структур, оказываются недостаточными. Они не обеспечивают необходимой четкости при проведении границы между этими организационно-правовыми формами. Извлечение и последующее распределение дохода выступает в качестве

ВКР УлГУ

критерия, способного в равной мере определять как коммерческие, так и некоммерческие структуры. Зачастую единственным надежным ориентиром для их разграничения остается лишь закрепленная организационно-правовая форма. Сторонники данной точки зрения апеллируют к сложностям практического характера. В реальности провести четкую грань между основной и побочной целью извлечения дохода зачастую не представляется возможным. Это приводит к парадоксальной ситуации: формально оставаясь в правовом поле некоммерческих структур, многие из них фактически смещают фокус своей работы. Их деятельность все больше тяготеет к предпринимательской модели, отодвигая на второй план уставные, социально ориентированные задачи. Критерий запрета на распределение прибыли, безусловно, обладает большей универсальностью и весом. Однако его действие не распространяется на все без исключения формы некоммерческих организаций. В первую очередь данное утверждение затрагивает правовую природу потребительского кооператива. Ряд исследователей настаивает на необходимости законодательного закрепления за ним статуса коммерческой организации.

§ 2. Виды юридических лиц по организационно-правовым формам

Классификация организаций по организационно-правовым формам также представляет собой одну из фундаментальных типологий в системе юридических лиц.

В постсоветскую эпоху, когда в России формировались основы рыночного хозяйства, правовая система столкнулась с необходимостью заполнить многочисленные лакуны в регламентации статуса юридических лиц. Законодатель приступил к активному расширению их типологии, вводя в оборот формы, которые либо вовсе не существовали, либо оказались вытеснены в предшествующий период плановой экономики. Тогда, в условиях

ВКР УлГУ

абсолютного доминирования государственной и коллективной собственности, спектр организаций был крайне скуден: государственные предприятия и учреждения, колхозы и совхозы, потребительские кооперативы, добровольные общества, профсоюзы, религиозные объединения и, разумеется, КПСС. Формируя новые типы юридических лиц в современной России, законодатели черпали идеи не только из полузабытых отечественных образцов — от дореволюционного проекта Гражданского уложения до кодекса РСФСР 1922 года. Их взгляд обратился и к нынешним развитым правовым системам с рыночной экономикой, в первую очередь англосаксонской и германской. Эти модели, при всей их принципиальной непохожести, удивительным образом нашли себе место в текстах российских законов. В погоне за оригинальностью и формированием нового корпоративного законодательства разработчики законопроектов давали полную волю фантазии. Итогом стал чрезвычайно разнородный правовой массив. Созданная в этих условиях система юридических лиц изначально лишена была сколь-либо последовательной и теоретически выверенной основы.

По мнению Д.В. Ломакина, ситуация в правовом поле постепенно деградировала. Лавинообразный рост числа законодательных и подзаконных актов, умноженный на чрезмерное разнообразие типов и, что особенно важно, организационно-правовых форм юридических лиц, с течением времени порождал все более отчетливое чувство хаотичности. Эта неупорядоченность регуляторной среды подрывала устойчивость гражданского оборота и снижала инвестиционную привлекательность национальной экономики. В 1994 году законодатель предпринял наиболее масштабную попытку систематизировать этот правовой массив. Результатом стало принятие Части первой Гражданского кодекса, где в Главе 4 представлена исчерпывающая на тот момент классификация организационно-правовых форм и их отличительных черт. Тем не менее, и обновленный Гражданский кодекс не был лишен существенных изъянов. Критерии, определяющие отдельные типы юридических лиц, по-

ВКР УлГУ

прежнему отличались значительной нечеткостью. Более того, конструкции некоммерческих организаций, к примеру, могли формироваться не только в рамках самого Кодекса, но и посредством принятия специального отраслевого законодательства. Уже в тот период звучали инициативы о необходимости сокращения организационно-правовых форм для юридических лиц. Предлагалось, чтобы их исчерпывающий перечень был закреплен непосредственно в Гражданском кодексе[73].

Оценить абсурдность отдельных решений в области классификации юридических лиц представлялось сложной задачей. Причина — в отсутствии правовой определенности как у самих этих классификаций, так и у понятия организационно-правовой формы, которые в высокой степени условны. Однако именно идеи оптимизации видов юридических лиц и сокращения числа их организационно-правовых форм легли в основу Концепции развития гражданского законодательства (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства), а впоследствии были имплементированы в Гражданский Кодекс[74].

Концепция реформирования организационно-правовых форм предполагала существенное сужение их перечня. Для некоммерческих организаций предлагалось оставить лишь пять допустимых форм. К корпоративным относились бы потребительские кооперативы, общественные организации, а также ассоциации и союзы. Унитарный тип представлен фондами и учреждениями. Этот перечень задумывался как исчерпывающий[75]. Следовательно, иные виды НКО, включая государственные корпорации,

[73] Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений.- М.: Статут, 2020. С. 140.

[74] Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. С. 2304.

[75] Аюшеева И.З. К вопросу об организационно-правовых формах некоммерческих организаций // Власть закона. 2016. № 4. С. 67.

ВКР УлГУ

подлежали исключению из правового поля. Что касается коммерческого сектора, Концепция намеревалась «без ущерба для дела» упразднить такие конструкции, как закрытое акционерное общество, народное предприятие и унитарное предприятие[76].

Выдвигалась идея о необходимости исчерпывающей фиксации в Гражданском кодексе всех ключевых юридических характеристик для каждой организационно-правовой формы. Подобный подход исключал бы законодательное усмотрение в рамках специальных актов, блокируя тем самым возникновение новых, не закрепленных в ГК типов юридических лиц — вроде народных предприятий (акционерных обществ работников)[77]. В пункте 4.1.2 раздела III Концепции была выражена позиция, согласно которой Гражданский кодекс обязан содержать базовые критерии, определяющие разновидности хозяйственных обществ. Подобная унификация призвана предотвратить законодательное закрепление особого статуса для новых, зачастую спорных организационно-правовых форм. В п. 7.1.5 раздела III Концепции развития гражданского законодательства также затрагивался вопрос о некоммерческих организациях. Там указывалось на необходимость исчерпывающего закрепления в Гражданском кодексе гражданско-правовых конструкций, определяющих формы таких организаций. Речь шла о детальном регулировании порядка их создания, структуры и полномочий органов управления, а также прав и обязанностей членов или участников. Подобная кодификация, по мнению разработчиков Концепции, должна была устранить

ВКР УлГУ

[76] В Концепции говорилось о бесперспективности унитарного предприятия как организационно-правовой формы юридического лица и желательности ее постепенной замены другими видами коммерческих организаций, в том числе хозяйственными обществами со 100%-ым или иным решающим участием публично-правовых образований в их имуществе. Допускалось лишь сохранение в перспективе федеральных казенных предприятий для некоторых особо важных сфер экономики (п. 6.3 раздела III Концепции).

[77] Федеральный закон от 19.07.1998 N 115-ФЗ (ред. от 02.08.2019) "Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)" // СЗ РФ. 1998. № 30. С. 3611.

многочисленные повторы и существующие противоречия в действующем законодательстве.

Положения Концепции обрели реальную силу в 2014 году, когда в Гражданский кодекс внесли соответствующие поправки. В результате все юридические лица классифицировали на корпоративные и унитарные. Хозяйственные общества подверглись дальнейшей дифференциации: их разделили на публичные (публичные акционерные общества) и непубличные (к которым отнесли общества с ограниченной ответственностью и непубличные акционерные общества).

Однако многие положения, закреплённые в Концепции, так и не получили полноценного воплощения на практике. Вопреки ожиданиям о возможном сокращении, перечень организационно-правовых форм в Гражданском кодексе не уменьшился, а, напротив, расширился. Это произошло за счет инкорпорации в его текст ряда юридических лиц, ранее в нем не фигурировавших, но уже существовавших на основании специального законодательства. В качестве иллюстрации можно привести адвокатские и нотариальные палаты. Концепция предполагала закрепить в Гражданском кодексе базовые характеристики каждой организационно-правовой формы, однако данное предложение так и не воплотилось в жизнь. В пункте 7 статьи 66 Гражданского кодекса содержится прямое указание на допустимость закрепления в специальном законодательстве особых черт правового статуса для целого ряда организационно-правовых форм хозяйственных обществ. В большинстве случаев подобные «особенности» сводятся к созданию абсолютно новой организационно-правовой формы юридического лица, которая Гражданским кодексом не предусмотрена. В качестве примера можно привести специализированные финансовые общества или общества проектного финансирования. В иных ситуациях речь идет о специфической разновидности уже существующей в ГК формы. Так, акционерные общества работников (народные предприятия) демонстрируют очевидное сходство с

ВКР УлГУ

производственным кооперативом[78]. Параллельно формируется юридическая практика, в корне расходящаяся с положениями Концепции. Она выражается в принятии отдельных законодательных актов. В них не просто определяются «особенности» организационно-правовой формы, уже известной Гражданскому кодексу. Вместо этого такие законы берут на себя полное регулирование всех её существенных признаков. В результате роль ГК сводится лишь к формальному упоминанию названия данной формы. Яркий пример — хозяйственные партнерства. Их правовой статус целиком и полностью определяется специальным федеральным законом. Схожие тенденции наблюдаются и в отношении публично-правовых компаний[79].

Перейдем к анализу спектра организационно-правовых форм, доступных для коммерческих и некоммерческих структур.

Классификация организационно-правовых форм коммерческих юридических лиц, установленная в части второй статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, включает следующие типы:

1. В рамках хозяйственных товариществ выделяют две основные формы: полные товарищества и товарищества на вере (коммандитные)[80]. Существенное различие между ними состоит в характере ответственности участников. В полном товариществе каждый полный товарищ отвечает по обязательствам фирмы всем своим имуществом, включая личное. Товарищество на вере, напротив, включает две категории участников: полные товарищи, несущие полную субсидиарную ответственность, и вкладчики (коммандитисты). Последние рискуют лишь размерами своих вкладов и в предпринимательскую деятельность товарищества не вовлекаются.

ВКР УлГУ

[78] Ломакин Д.В. Эволюция системы юридических лиц в постсоветской России. Предпринимательское право: современный взгляд. М.: Юстицинформ, 2019. С. 595.
[79] Федеральный закон от 03.07.2016 N 236-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Режим доступа URL: https://www.pravo.gov.ru.
[80] Ст. 69, 82 Гражданского кодекса Российской Федерации.

2. К хозяйственным обществам причисляют общества с ограниченной ответственностью, а также акционерные общества, которые, в свою очередь, подразделяются на публичные и непубличные.

Общество с ограниченной ответственностью характеризует специфическая черта: его участники освобождены от ответственности по корпоративным долгам[81]. Риск возможных убытков от хозяйственной деятельности компании для них ограничен лишь размером внесенного вклада в уставный капитал.

Публичное и непубличное акционерное общество разграничиваются прежде всего по механизму обращения акций. В открытом АО акции, равно как и конвертируемые в них ценные бумаги, подлежат публичному размещению посредством открытой подписки либо публичному обращению, что регламентируется законодательством о рынке ценных бумаг[82]. Для непубличного же общества характерно распределение акций среди строго ограниченного круга лиц, при этом их отчуждение, как правило, обусловлено получением согласия остальных акционеров.

3. Крестьянское (фермерское) хозяйство — это форма объединения граждан, как правило, связанных родственными узами или свойством. Его участники совместно ведут производственную и иную хозяйственную деятельность, включающую полный цикл от производства до реализации сельскохозяйственной продукции[83]. Основу функционирования составляет личное трудовое участие всех членов.

4. Производственный кооператив, или артель, представляет собой добровольное объединение, формируемое на принципах членства. Его цель — совместная производственная и прочая хозяйственная деятельность,

[81] Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об обществах с ограниченной ответственностью" // СЗ РФ. 1998. N 7. С. 785.
[82] Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) "Об акционерных обществах" // СЗ РФ. 1996. N 1. С. 1.
[83] Федеральный закон от 11.06.2003 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О крестьянском (фермерском) хозяйстве" // СЗ РФ. 2003. № 24. С. 2249.

ВКР УлГУ

базирующаяся на личном трудовом вкладе участников, а также на их ином участии. Фундамент этой деятельности составляет объединение членами кооператива имущественных паевых взносов. К отличительным чертам данной организационно-правовой формы относится возможность, закреплённая в учредительном документе, участия в работе кооператива юридических лиц. Ответственность членов по обязательствам артели ограничивается размерами их паевых взносов, однако уставом может быть установлена и субсидиарная ответственность дополнительным имуществом[84].

5. Хозяйственное партнерство как организационно-правовая форма функционирует на основании специального закона — Федерального закона от 03.12.2011 № 380-ФЗ. Его принципиальное отличие заключается в ограниченной ответственности участников: они несут риски лишь в размере своих вкладов и не отвечают по долгам партнерства. Кроме того, законодатель устанавливает для такого партнерства запрет на участие в капитале иных коммерческих организаций, за исключением случаев создания некоммерческих объединений — союзов и ассоциаций.

6. Государственные и муниципальные унитарные предприятия представляют собой организационно-правовую форму, собственником которой выступает публично-правовое образование — государство или муниципалитет. Их отличительная черта — неделимость уставного фонда; он не распределяется на доли, паи или акции. Всё имущество такого юридического лица формирует единый, не подлежащий разделу комплекс, закреплённый за ним собственником на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления. Правовой статус унитарного предприятия характеризуется рядом специфических черт. Во-первых, оно отвечает по своим долгам всем принадлежащим ему имуществом, однако не несёт ответственности по обязательствам своего учредителя-собственника. Во-

[84] Федеральный закон от 08.05.1996 N 41-ФЗ (ред. от 05.04.2021) "О производственных кооперативах" // СЗ РФ. 1996. N 20. С. 2321.

ВКР УлГУ

вторых, законодательство допускает участие унитарных предприятий в коммерческих и некоммерческих корпорациях, если это прямо разрешено федеральным законом. Вместе с тем для них установлены и существенные ограничения. Так, они лишены права выступать учредителями кредитных организаций. Кроме того, унитарному предприятию запрещено создавать другое унитарное предприятие путём выделения части своего имущества, то есть формировать так называемые дочерние предприятия.

В соответствии с пунктом 3 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель устанавливает закрытый перечень организационно-правовых форм для некоммерческих организаций. К ним причислены: потребительские кооперативы, общественные организации и движения, ассоциации и союзы, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества. Далее следуют общины коренных малочисленных народов России, фонды общественной пользы, учреждения, автономные некоммерческие и религиозные организации. В этот же ряд входят публично-правовые компании, адвокатские палаты и образования, обладающие статусом юридического лица, государственные корпорации, а также нотариальные палаты.

Ключевая трудность при систематизации юридических лиц коренится в следующем противоречии. С одной стороны, Гражданский кодекс прямо устанавливает их деление на организационно-правовые формы, виды и типы (пункт 4 статьи 49). С другой — законодатель не раскрывает содержания этих базовых категорий. Их определения в нормативных актах попросту отсутствуют, что создает фундаментальную неопределенность для самой классификации. Подобная терминологическая неопределенность порождает на практике правоприменения существенные затруднения. Суды и иные правоприменительные органы зачастую сталкиваются с проблемой разграничения таких понятий, как «организационно-правовая форма», «вид» и «тип» юридического лица. На практике нередко можно столкнуться с ошибочным отождествлением типа юридического лица, скажем, публичного

ВКР УлГУ

акционерного общества, с его видом либо организационно-правовой формой. В рамках классификации юридических лиц по организационно-правовым формам, видам и типам возникает вопрос о правовой природе отдельных «разновидностей» хозяйственных обществ, упомянутых в Гражданском кодексе. К какой именно категории — виду или типу — следует отнести, например, акционерные общества работников (народные предприятия), специализированные общества проектного финансирования или акционерные инвестиционные фонды? Эта неопределенность прямо обозначена в пункте 7 статьи 66 ГК РФ.

Критерии, лежащие в основе деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, а также на корпоративные и унитарные, в равной степени определяют и их дифференциацию по организационно-правовым формам. Классификация юридических лиц на корпоративные и унитарные, а также на коммерческие и некоммерческие, по сути, выступает одним из оснований для их видового деления по организационно-правовым формам. Именно поэтому сами эти формы подразделяются на две ключевые категории: коммерческие и некоммерческие, корпоративные и унитарные организации (п. 2, 3 ст. 50, п. 1 ст. 65.1 ГК РФ). Следовательно, нередко складывается следующая картина: описывая конститутивные признаки конкретной организационно-правовой формы, Гражданский Кодекс задействует критерии, заимствованные из иной классификационной системы. Так, учреждение или общественно-полезный фонд получают характеристику «унитарной некоммерческой организации» (п. 1 ст. 123.21, п. 1 ст. 123.17 ГК). Критерий, закрепленный в п. 3 ст. 48 ГК, — характер прав учредителей на имущество юридического лица — по своей сути также выступает в роли квалифицирующего признака организационно-правовой формы, что наглядно демонстрирует конструкция унитарных предприятий, основанных на вещном праве учредителя.

Следовательно, чтобы уяснить суть классификации юридических лиц по организационно-правовым формам и основания для их разграничения,

ВКР УлГУ

необходимо анализировать и оценивать не только отличительные черты конкретной формы, но и всю совокупность критериев, лежащих в основе их видовой дифференциации.

§ 3. Виды юридических лиц по правам учредителей на их имущество

Пункт 3 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации относит к числу юридических лиц, чьи учредители сохраняют вещные права на имущество, две основные организационно-правовые формы. Речь идет о государственных и муниципальных унитарных предприятиях. В эту же категорию входят учреждения.

Корпоративные организации (статья 65.1 ГК РФ) представляют собой одну из разновидностей юридических лиц. Их отличительная черта заключается в том, что участники таких образований обладают корпоративными правами.

Правовая природа корпоративных прав с самого начала вызывала споры и по сей день не получила однозначной трактовки. Еще до революции цивилисты ломали копья, пытаясь определить их сущность: вещные они или обязательственные, имущественные или личные? В советскую эпоху, на фоне специфики планового хозяйства, острота этих дискуссий несколько притупилась, но научный поиск не угасал. Ученые, например, анализировали корпоративные связи через призму гражданско-правовых критериев, а некоторые выдвигали концепцию, согласно которой эти отношения носят преимущественно организационный характер.

Вопросы теории корпоративных правоотношений вновь приобрели особую актуальность на фоне экономических трансформаций и глубокой перестройки гражданского законодательства, последовавшей за введением в действие Гражданского кодекса РФ. Далеко не все из разработанных правовых конструкций доказали свою практическую эффективность, что в итоге

ВКР УлГУ

инициировало очередную масштабную реформу гражданского права. Её реализация уже началась с корректировки положений, касающихся юридических лиц и корпоративных связей. Первым же законодательным актом в рамках этой реформы были внесены поправки[85], закрепившие самостоятельную природу корпоративных отношений в качестве составной части предмета гражданско-правового регулирования; последующие законы существенно трансформировали нормы о юридических лицах.

В рамках теоретического осмысления корпоративных отношений особую дискуссионность вызывает проблема их правовой природы. Её уяснение требует, в числе прочего, проведения чёткой демаркационной линии между корпоративными правами и иными имущественными правомочиями, прежде всего вещными и обязательственными.

Наша позиция заключается в отрицании вещно-правовой природы прав участников корпорации. Это требует детального анализа характерных черт вещных прав и проведения четкой демаркационной линии между ними и правами корпоративными.

В рамках цивилистической доктрины преобладает концепция, позволяющая обозначить ряд фундаментальных характеристик, присущих вещным правам:

1. Эти права закрепляют прямое владение лица над объектом, позволяя ему воздействовать на вещь по своему усмотрению, не прибегая к посредничеству других субъектов;

2. Абсолютная природа прав – они устанавливают отношения управомоченного лица с неопределённым множеством лиц, обязывая всех третьих лиц воздерживаться от создания препятствий в использовании вещи или от любого вмешательства без санкции собственника;

[85] Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 2.

ВКР УлГУ

3. Защита в гражданском праве обеспечивается специальными исками, присущими именно вещным правам;

4. Объектом таких прав выступают исключительно вещи, определённые индивидуальными признаками, – их гибель влечёт прекращение самого вещного права;

5. Исчерпывающий перечень видов вещных прав, равно как и их содержание, устанавливается законом в императивном порядке (принцип numerus clausus).

Расширенная характеристика признаков вещных прав представлена в подпункте 2.2 части 4 Концепции совершенствования гражданского законодательства РФ.

1. Возникновение и прекращение вещных прав обусловлено исключительно основаниями, закреплёнными в Гражданском кодексе и принятыми на его основе законодательными актами.

2. Исчерпывающий перечень прав такого рода устанавливает сам Гражданский кодекс.

3. Сущность вещных прав раскрывается в ГК, тогда как процедура их реализации регламентируется как Кодексом, так и изданными в его развитие законами.

4. Эти права ложатся бременем на имущество, предоставляя управомоченному лицу непосредственное господство над ним и сопровождая вещь при её переходе.

5. Вещные права обладают приоритетом перед любыми иными имущественными притязаниями на тот же объект.

6. В отличие от прочих субъективных гражданских прав, вещные права охраняются посредством специальных вещно-правовых исков.

7. Взаимодействие правомочий собственника и носителя ограниченного вещного права регулируется нормами ГК, посвящёнными конкретному виду такого права.

ВКР УлГУ

8. Права вещного характера, объектом которых выступает недвижимость, требуют обязательной государственной регистрации; их возникновение связывается с датой внесения соответствующей записи в реестр.

На основании проанализированных характеристик вещных прав допустимо провести их дифференциацию от корпоративных прав участников, выражающуюся в следующих положениях:

Корпоративные отношения возникают в строго очерченном кругу субъектов. С одной стороны, это участники корпорации, с другой – сама корпоративная организация. Их связывает комплекс взаимных прав и корреспондирующих обязанностей. Именно эта взаимность и предопределяет относительную природу данных правоотношений. Большинство исследователей придерживаются этой точки зрения, хотя отдельные авторы высказывают иные суждения. По мнению Р. Р. Ушницкого, абсолютный характер корпоративного правоотношения представляется очевидным[86]. В основе этой позиции лежит тезис, согласно которому корпорация не выступает субъектом подобных правоотношений, но, напротив, составляет неотъемлемый признак их объекта. По мнению автора, корпоративные участники, с одной стороны, вступают в абсолютные правоотношения. Это означает, что их правовая позиция определяется по отношению ко всем прочим субъектам гражданского оборота. В качестве дополнительного довода они апеллируют к преобладающему императивному характеру норм, регулирующих корпоративные правоотношения. Однако подобная позиция представляется спорной. В отечественной цивилистической доктрине, равно как и в нормах действующего Гражданского кодекса (п. 1 ст. 49), закрепляется, что юридическое лицо обретает правоспособность. Это означает его способность выступать носителем гражданских прав и нести

[86] Ушницкий Р.Р. О наиболее актуальных проблемах современной теории корпоративного права России // Юрист. 2015. № 15. С. 4.

ВКР УлГУ

соответствующие обязанности. Поскольку юридическое лицо наделено правоспособностью, располагает обособленным имуществом и действует в гражданском обороте как самостоятельный субъект, концепция абсолютных прав его участников выглядит сомнительной.

Следовательно, правовая природа вещных и корпоративных прав демонстрирует принципиальную несхожесть: абсолютный характер первых противопоставляется относительной сущности вторых.

Далее, корпоративные права лишены свойства доминирования над объектом – реализация ряда правомочий участников корпорации не может осуществляться ими в одностороннем порядке. Возьмем, к примеру, право акционера ознакомиться с протоколами заседаний правления. Оно не может быть реализовано исключительно его собственными усилиями. Этому праву противостоит прямая обязанность общества, зафиксированная в пункте 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах», – обеспечить доступ к требуемым документам.

В корпоративных правоотношениях вещь как объект фактически исчезает. Участники, передавая имущество в уставной капитал, утрачивают на него право собственности. При этом вклад может формироваться не только материальными объектами, но и имущественными правами, равно как и иными правами, поддающимися денежной оценке. Признак следования за вещью здесь также не действует: гибель внесенного в оплату доли имущества не разрывает связь участника с обществом и не влияет на объем его участия[87].

Третьим отличительным признаком выступает неприменимость к корпоративным правам принципа numerus clausus, характерного для вещных отношений. Иллюстрацией служит норма п. 2 ст. 8 ФЗ «Об ООО», допускающая закрепление в уставе не только установленных законом, но и любых иных (дополнительных) прав участника. Подобные прерогативы могут быть внесены в учредительный документ изначально либо дарованы

[87] Корпоративное право: Учебник / Под ред. И.С. Шиткина. - М.: КНОРУС, 2015. С. 540.

ВКР УлГУ

решением общего собрания, вынесенным при единогласной поддержке всех членов общества.

Четвертый аргумент строится на том, что корпоративные права участников по своей природе не подлежат защите посредством вещных исков.

При анализе соотношения корпоративных и обязательственных прав обнаруживается, что на протяжении значительного исторического периода правопорядок признавал за участниками юридических лиц преимущественно обязательственную природу их правомочий. До внесения изменений Федеральным законом № 99-ФЗ от 5 мая 2014 года пункт 2 статьи 48 Гражданского кодекса устанавливал следующее. Учредители или участники организации, внесшие вклад в формирование её имущества, получали возможность иметь либо обязательственные права по отношению к самому юридическому лицу, либо вещные права непосредственно на его имущество. Нормы, регулирующие обязательственные права участников корпоративных отношений, продолжают действовать в рамках некоторых специальных законодательных актов. Их содержание вступает в явное противоречие с буквальными положениями действующего Гражданского кодекса. В качестве иллюстрации можно обратиться к п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об акционерных обществах». В нем содержится следующее нормативное определение: акционерным обществом считается коммерческая организация. Ее отличительная черта — уставный капитал, поделенный на конкретное количество акций. Эти ценные бумаги фиксируют обязательственные права акционеров, возникающие у них в отношении данного общества.

По мнению Е.А. Суханова, даже до законодательных корректировок преобладающая доктринальная позиция признавала корпоративные отношения автономным компонентом предмета гражданско-правового регулирования. Тезис об обязательственной природе прав членов корпораций, как подчеркивает ученый, «не следует воспринимать буквально; при их формулировании в начале 90-х годов прошлого века важно было показать

ВКР УлГУ

абсурдность действовавшего в то время законодательства о предприятиях и предпринимательской деятельности, объявившего участников корпораций сособственниками их имущества»[88].

В современной цивилистической доктрине сформировался спектр подходов к дифференциации прав обязательственных и корпоративных. Их системное осмысление позволяет вычленить ряд дифференцирующих признаков.

Первым и наиболее очевидным различием выступает сам предмет регулирования. Д. В. Ломакин справедливо отмечает, что объект обязательства нуждается в предельной конкретизации: отсутствие четких границ лишает кредитора возможности реализовать свое право требования, ибо невозможно установить факт исполнения или неисполнения чего-то аморфного, не поддающегося идентификации[89]. Сходную мысль развивает Е. А. Суханов, указывая, что из содержания действий должника должно быть однозначно понятно, что именно он обязан совершить (с. 12 – 13). Совершенно иная природа присуща корпоративным правоотношениям. Их объектом, в отличие от конкретных действий, служит сама деятельность организации и ее итоговые результаты (с. 244 – 245).

Второй критерий для разграничения — это субъектный состав правоотношений. Обязательственные связи предполагают наличие двух сторон: кредитора, который обладает правом требования, и должника, несущего соответствующую обязанность. Корпоративные отношения устроены сложнее. Их специфика заключается в парадоксальной двойственности: участники (акционеры, члены) совместно формируют волю самой корпорации как юридического лица, однако затем обязаны подчиняться этой коллективно созданной воле, даже если она противоречит их первоначальной позиции. Проиллюстрируем это: акционер, голосовавший на

[88] Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. С. 10.
[89] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. - М.: Статут, 2008. С. 510.

ВКР УлГУ

общем собрании за распределение прибыли, но оказавшийся в меньшинстве, вынужден принять решение о невыплате дивидендов. Такое подчинение воле большинства прямо предусмотрено нормами федерального законодательства — статьями 42, 49 и 59 Закона «Об акционерных обществах».

В-третьих, норма п. 1 ст. 408 ГК РФ устанавливает прекращение обязательства его надлежащим исполнением. Корпоративные же права, напротив, неотделимы от статуса участника и сохраняются, пока этот статус существует. Проиллюстрируем это: реализация членом производственного кооператива своего права на получение информации (п. 1 ст. 8 ФЗ «О производственных кооперативах») не исчерпывает само право — оно может быть использовано вновь. Таким образом, корпоративные права носят длящийся, по сути бессрочный характер, что принципиально отличает их от обязательственных отношений, по природе своей ограниченных во времени.

Четвертый момент: принцип свободы договора не действует при реализации корпоративных прав. По справедливому замечанию Е. А. Суханова, законодательно закрепленный перечень организационно-правовых форм корпораций сужает договорную свободу их участников, оставляя лишь возможность выбора из установленных типов.

Пятый аргумент заключается в том, что к корпоративным правам не распространяется действие многих положений Гражданского кодекса, регулирующих обязательственные отношения. В частности, это касается институтов, обеспечивающих исполнение обязательств, а также норм о возможности исполнения обязательства третьим лицом и о процедуре перевода долга.

Шестой отличительный признак корпоративных прав, по мнению ряда ученых, заключается в специфике их юридических составов. Так, А. А. Зурабян акцентирует внимание на особых юридических фактах, порождающих, видоизменяющих и прекращающих данные права: таковыми

ВКР УлГУ

выступают решения учредителей либо общих собраний членов корпорации[90]. Именно эта особенность, а не договоры или деликты, служащие базой для обязательственных отношений, и отделяет корпоративные права от обязательственных.

Седьмой по счету признак заключается в следующем: обязательственные права формируются непосредственно в рамках гражданского оборота. В противоположность им, корпоративные права обладают двойственной природой, сочетая организационные и имущественные элементы. Их сущность состоит в юридическом оформлении порядка управления корпорацией и распоряжения ее имущественным комплексом.

Следовательно, требуется провести четкую демаркацию между корпоративными правами участников и обязательственными, которые порождаются особыми юридическими составами в процессе функционирования корпорации.

Резюмируя изложенное, можно прийти к выводу о безусловной обоснованности признания корпоративных отношений самостоятельным институтом гражданского права. Данный шаг был исторически неизбежен. Следующей задачей для законодателя становится системное приведение нормативной базы в соответствие с этой новой реальностью. Параллельно требуется дальнейшая кропотливая работа по шлифовке правовых механизмов, призванных гарантировать справедливый баланс между интересами корпоративных структур и их участников.

§ 4. Иные виды юридических лиц

[90] Зурабян А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений: дис.канд.юрид.наук. // Режим доступа: dissercat.com

ВКР УлГУ

Гражданское право России предлагает иной фундаментальный подход к систематизации организаций: их дифференциацию на корпоративные и унитарные образования.

Введенная главой 4 Гражданского кодекса РФ классификация предусматривает деление юридических лиц на корпоративные и унитарные.

Согласно положениям статьи 65.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации, корпоративными юридическими лицами (корпорациями) признаются те организации, чьи учредители или участники наделены правом членства и в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 того же Кодекса формируют их высший руководящий орган. Законодатель относит к данной категории целый ряд организационно-правовых форм. Это хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства. Сюда же входят хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы. Перечень продолжается общественными организациями и движениями, а также ассоциациями (союзами). В него включены нотариальные палаты и товарищества собственников недвижимости. Замыкают список казачьи общества, внесенные в соответствующий государственный реестр, и общины коренных малочисленных народов России.

Унитарными признаются юридические лица, чьи учредители не вступают в их состав и не получают прав членства. К данной организационно-правовой форме относятся: государственные и муниципальные унитарные предприятия; фонды (общественно полезные и личные); учреждения; автономные некоммерческие организации; религиозные организации; государственные корпорации; публично-правовые компании.

Подобная классификация распространилась на все без изъятия организационно-правовые формы, которые российское гражданское право в его нынешней редакции признает в качестве субъектов права. При этом реформирование затронуло не только разнообразные организационно-правовые формы коммерческих корпораций, но и сферу некоммерческих

ВКР УлГУ

объединений. Как и предполагалось, в научной среде среди исследователей права не сложилось единой позиции по данной проблеме. Согласно позиции В. Н. Сидорова, предложенная классификация юридических лиц на корпоративные и унитарные, призванная разграничить коммерческие и некоммерческие организации, лишена достаточных оснований[91]. По его оценке, такой подход не только преждевременен, но и способен усугубить существующую терминологическую неразбериху в данной сфере. Выступая с критикой поправок о классификации юридических лиц в Гражданском кодексе, Д. А. Сумской выделяет две основные претензии. Во-первых, классификация, предложенная законодателем, не имела аналогов в отечественной правовой традиции. Во-вторых, в правоприменительной практике не сложилось единообразного подхода к оценке правомерности тех критериев, которые легли в основу классификации, закрепленной Гражданским кодексом[92].

Законодатель традиционно выделяет корпоративные и унитарные юридические лица, опираясь на критерий членства. Однако эта, казалось бы, простая дихотомия продолжает порождать дискуссии. Правовая доктрина до сих пор не выработала единого подхода к соотношению таких категорий, как «член», «учредитель» и «участник». Не прояснена и сама сущность членства, его содержательное наполнение.

Утверждение об условности современной классификации юридических лиц находит все большее подтверждение в практике. Реальность демонстрирует множество гибридных организационных форм, сочетающих в себе черты, традиционно относимые к разным типам. Яркой иллюстрацией служат религиозные организации, обладающие признаками членства, но при

[91] Сидоров В. Н. Основные векторы трансформации российского законодательства о некоммерческих организациях // Безопасность бизнеса. 2010. № 4. С. 32–36.
[92] Сумской Д. А. Некоммерческие организации в теории гражданского права // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 13–16.

ВКР УлГУ

этом формально признаваемые Гражданским кодексом унитарными[93]. Другой пример — государственные академии наук, которые, оставаясь учреждениями, сохраняют институт членства[94]. Эта тенденция не уникальна для отечественного правопорядка. В западных юрисдикциях также широко распространились смешанные формы, занимающие промежуточное положение между классической корпорацией и учреждением.

Тем не менее, действующий Гражданский кодекс Российской Федерации избрал иную траекторию, прямо закрепив указанное деление в своих нормах. В качестве центрального критерия для классификации законодатель использовал формальный признак — наличие либо отсутствие у участника права членства (участия) в организации.

Доктринальное поле не выработало консенсуса относительно критериев, позволяющих разграничить корпоративные и унитарные юридические лица. Ввиду этого представляется возможным сформулировать ряд самостоятельных позиций:

1. Критерий воли. Его истоки восходят к научной мысли XVIII столетия, где исследователи, стремясь постичь сущность фондов, сопоставляли их с прочими юридическими лицами. Ф. К. фон Савиньи проводил разграничение между юридическими лицами, обладающими зримым человеческим субстратом, и теми, чье бытие носит идеальный характер и лишено подобной материальной основы[95]. Отто фон Гирке определял учреждения (прообраз современных унитарных организаций) как союз, чья личность привнесена извне. По его воззрениям, учреждение обладает изначальной установкой, заложенной учредителями (его душа),

[93] Ст. 8 Федерального закона от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О свободе совести и о религиозных объединениях" // СЗ РФ. 1997. № 39. С. 4465.
[94] Ст. 8 Федерального закона от 27.09.2013 N 253-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2013. № 39. С. 4883.
[95] Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. - М.: Статут, 2013. Т. III. С. 356.

ВКР УлГУ

которую в дальнейшем развивают в своей деятельности лица, составляющие органы управления (его тело).

По мнению Н. С. Суворова, воля учреждения представляет собой волю его учредителя, зафиксированную в учредительном документе[96]. Учредитель при создании задаёт для юридического лица определённую цель, требующую постоянного достижения через деятельность управляющих органов. Ключевое различие учреждений и корпораций заключается в неизменности этой цели и первоначальной воли. Контроль за соответствием деятельности органов заданной цели возлагается не на учредителя, а на соответствующий государственный орган.

В своей работе Д. П. Заикин исследовал подходы к разграничению юридических лиц на унитарные и корпоративные. Он констатировал, что господствующая доктрина оперирует понятием персонального субстрата, присущего корпорациям и чуждого унитарным структурам. При этом, как отмечает автор, сама сущность данного субстрата остаётся нераскрытой. Заикин определяет его как совокупность участников (членов) – субъектов, связанных с юридическим лицом и друг с другом корпоративными правоотношениями и формирующих высший орган управления[97]. Фундаментальное различие заключается в способности или неспособности этой группы лиц влиять на волю организации: определять её устройство, цели, а также решать вопросы о прекращении или трансформации. Для реализации этой динамики внутри корпорации и возникают правоотношения «участник – юридическое лицо» и «участник – участник». Унитарные же организации по своей природе должны быть лишены подобной изменчивости. Яркой иллюстрацией служит личный фонд. Нечёткость волеизъявления учредителя или наступление непредвиденных обстоятельств способны привести к его ликвидации. Так, в соответствии с подп. 4 п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ фонд

[96] Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. - М.: Статут, 2000. С. 107–108.
[97] Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихитомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 9.

ВКР УлГУ

подлежит прекращению, если становится невозможным сформировать органы управления, порядок создания которых закреплён уставом или условиями управления.

Следовательно, когда в уставных документах прямо указано конкретное физическое лицо на пост единоличного исполнительного органа, а механизм его замены не прописан, отказ кандидата от должности приводит к невозможности формирования органа управления. Данная ситуация влечет за собой ликвидацию личного фонда. В рамках классической коммерческой структуры подобный вопрос был бы урегулирован значительно оперативнее. Достаточно было бы инициировать созыв общего собрания участников, единственной повесткой дня которого стало бы назначение нового управляющего органа. Корпоративную организацию отличает от унитарной принципиальная возможность изменения программы деятельности юридического лица, тогда как вторая подобной гибкостью не обладает. Общее собрание учредителей наделяет корпоративную организацию правом вносить необходимые изменения в любой момент. Руководящие структуры унитарного предприятия лишены возможности самостоятельного стратегического планирования. Их полномочия сводятся к исполнению уже утвержденной программы и деятельности в строго очерченных учредителем границах, которые были определены в момент учреждения.

2. Критерий имущественного субстрата. Поскольку в унитарных организациях не существует субъектов, наделенных правом корректировать программу деятельности, некоторые правоведы делают вывод об отсутствии в этих формах персонального субстрата. Это порождает закономерный вопрос о том, что же его замещает. Преобладающая в доктрине позиция сводится к тому, что в унитарных структурах данную роль выполняет имущественный комплекс[98].

[98] Габов А. В. Юридические лица в российском гражданском праве. Том 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве. Монография. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 167.

ВКР УлГУ

Образование юридического лица неизменно сопряжено с имущественным вкладом. Но мотивы этого вклада принципиально расходятся. В коммерческой корпорации имущество вносится для его капитализации и последующей конвертации в финансовые потоки. Учредители инвестируют средства, организация извлекает из них доход, а затем этот доход возвращается инвесторам в форме распределения. В некоммерческой же корпоративной структуре имущество направляется на его целевое использование — финансирование общественно значимых задач.

При передаче активов унитарной организации происходит их выделение из общей имущественной массы, принадлежащей учредителю. Теперь данное имущество может быть направлено на реализацию цели, закрепленной учредителем, без риска его утраты. Возьмем конкретный случай: государство обязано предоставлять гражданам медицинскую помощь. Ее оказание невозможно без соответствующего помещения. Такое помещение у государства имеется. Однако масштаб стоящих перед государством задач способен привести к утрате такого помещения. Это может выразиться в его продаже либо в обращении взыскания на объект в счет погашения государственных долговых обязательств. Соответственно, государство учреждает организацию, передавая ей в пользование конкретное здание и закрепляя в уставе оказание медицинских услуг как основную задачу. Схожий механизм применяется и к фондам. У субъекта наблюдается обширный портфель имущественных ценностей. Стремясь минимизировать риски и обезопасить конкретный актив от возможного взыскания по обязательствам, связанным с иным имуществом (в качестве примера можно привести доли в уставном капитале коммерческого ООО), субъект прибегает к его обособлению посредством передачи в целевой фонд. Цель управления активом, закрепленная в уставе, состоит в обеспечении его сохранности и извлечении дохода для последующего распределения между выгодоприобретателями. Следовательно, унитарная организация преследует

ВКР УлГУ

две цели. Главная из них — сохранение имущественного комплекса, переданного ей учредителем. Параллельно существует и вспомогательная задача: извлечение пользы для третьих лиц, которых также определяет учредитель. Круг этих бенефициаров может быть как широким и неопределенным, так и строго ограниченным конкретным человеком. Возникновение этой дополнительной цели обусловило появление нового классификационного признака.

3. Критерий неопределенного состава участников. С. Н. Братусь проводил аналогию между участниками корпорации и выгодоприобретателями унитарной организации. По его мнению, юридическое лицо приносит пользу и тем, и другим, а значит, действует в их интересах. Однако если состав корпорации известен заранее (все ее члены участвовали в создании или вступили позднее), то круг выгодоприобретателей унитарного субъекта изначально не ясен[99]. Эти рассуждения породили корпоративную теорию учреждения, трактующую его не как отдельный вид, а как корпорацию с неопределенным членством. В чистом виде такая классификация, на наш взгляд, неубедительна. Д. П. Заикин справедливо критикует ее, отмечая, что выгодоприобретателей не всегда можно выявить, а иногда их перечень, как и состав участников, строго фиксирован (С.12). Тем не менее, для понимания природы унитарных лиц отдельные элементы данной конструкции полезны. Как уже отмечалось, важно установить причину, по которой фундаментальные вопросы существования унитарной организации решаются единожды учредителем и не подлежат пересмотру. Простое сохранение имущества здесь, полагаем, недостаточно. Существенно, в чьих интересах это имущество должно сберегаться. Обычно унитарная организация существует для выгодоприобретателей, которые не состоят с ней в правоотношениях и лишены возможности на нее влиять. Следовательно,

[99] Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. - М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. С. 215.

ВКР УлГУ

неизменность установленного порядка управления служит гарантией защиты их интересов.

В завершение отметим, что действующее правовое регулирование унитарных организаций остро нуждается в модернизации, будучи отягощенным множеством внутренних противоречий. Прежде всего, из Гражданского кодекса следует изъять классификационный признак, основанный на факте членства или его отсутствии, — он не отражает подлинной природы разделения юридических лиц на указанные типы. Параллельно необходим критический анализ самого перечня организационно-правовых форм, причисляемых к унитарным. По своей внутренней архитектуре и способности воздействовать на формирование воли большинство из них демонстрируют черты, родственные корпоративным структурам.

Помимо прочего, гражданско-правовая доктрина оперирует иными принципами систематизации субъектов права, в частности, группировкой по признаку формы собственности. В соответствии с данным критерием выделяются:

1. Государственные, то есть они основаны государством или муниципальным образованием.

К категории государственных юридических лиц причисляются:

1. Унитарные предприятия представляют собой особую форму коммерческих организаций, лишённых права собственности на закреплённое за ними имущество. Данные активы находятся в собственности публично-правовых образований — либо Российской Федерации (федеральное государственное унитарное предприятие), либо муниципалитета. Правовой режим владения таким имуществом определяется либо правом хозяйственного ведения (применимо к государственным и муниципальным предприятиям), либо правом оперативного управления (исключительно для казённых предприятий, учреждаемых государством).

ВКР УлГУ

2. Государственные корпорации. (п.1 ст. 7.1 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях"). Данные субъекты относятся к некоммерческим организациям, чей статус и деятельность регламентируются специальным федеральным законодательством. В качестве иллюстрации можно привести государственную корпорацию развития «ВЭБ.РФ»[100].

3. Государственные компании, как это определено в п. 1 ст. 7.2 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях", представляют собой особую организационно-правовую форму. Они учреждаются без членства и функционируют на основании специального федерального закона, принимаемого для каждой конкретной компании. Яркой иллюстрацией служит государственная компания "Российские автомобильные дороги"[101].

2. Частные некоммерческие организации, учреждаемые гражданами или коммерческими структурами, подразделяются на несколько основных типов:

1. Товарищества и общества хозяйственного типа, к которым относятся полные товарищества, товарищества на вере, общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества;

2. Партнёрства, осуществляющие хозяйственную деятельность;

3. Кооперативы производственного характера;

4. Учреждения частной формы собственности, такие как школы или детские сады;

5. Фонды, включая общественно полезные и личные;

6. Автономные некоммерческие организации.

ВКР УлГУ

[100] Федеральный закон от 17.05.2007 N 82-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ" // СЗ РФ. 2007. № 22. С. 2562.

[101] Федеральный закон от 17.07.2009 N 145-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "О Государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СЗ РФ. 2009. № 29. С. 3608.

7. Общественные организации, ассоциации и союзы, а также потребительские кооперативы;

8. Товарищества собственников недвижимости (ТСЖ).

Классификация юридических лиц в зависимости от характера имущественной ответственности их участников:

1. В пределах размера внесенных долей ответственность несут акционеры и участники ООО, а также вкладчики (коммандитисты) в товариществах на вере.

2. Субсидиарную ответственность по долгам организации несут учредители казенных предприятий и учреждений, полные товарищи, члены производственных кооперативов, а также участники ассоциаций и союзов.

Классификация юридических лиц в зависимости от характера участия:

1. Товарищества, где участники объединяют прежде всего личные усилия для реализации общих задач, представлены двумя основными формами: полное товарищество и товарищество на вере.

2. Общества, в основе которых лежит объединение капиталов, включают такие организационно-правовые формы, как общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество.

Классификация юридических лиц на основании их учредительных документов (пункт 1 статьи 52 ГК РФ):

1. Договорные: хозяйственные товарищества;

2. Уставные: остальные юридические лица;

3. Государственные корпорации действуют на основании Федерального Закона о такой государственной корпорации.

Из представленного анализа следует, что разнообразие форм и типов юридических лиц действительно велико.

Классификация юридических лиц обладает существенным значением в гражданском праве. Её законодательное закрепление создает закрытую систему, не допускающую возникновения организаций с правосубъектностью

ВКР УлГУ

вне установленных классификационных рамок. Данный подход позволяет однозначно идентифицировать правовой статус любой организации. Он же предотвращает смешение организационно-правовых форм, имеющих различную юридическую природу, в сфере хозяйственной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование института юридического лица, включая его виды и классификации, позволяет сформулировать несколько итоговых положений.

В современной цивилистике институт юридического лица занимает центральное место. Развитие экономики и товарно-денежного оборота, сопровождавшееся эволюцией правовых систем, выявило ограниченность конструкции, где субъектами отношений выступают исключительно физические лица. Это осознание стало отправной точкой для формирования новой правовой категории.

Роль юридического лица как правового института стала особенно заметной на протяжении двадцатого столетия. Экономический рост, индустриализация и технологический прогресс привели к беспрецедентному усложнению хозяйственной инфраструктуры и имущественных отношений, что, в свою очередь, и обусловило его возросшую значимость.

ВКР УлГУ

Функциональное предназначение института юридического лица определяет целевые ориентиры его правового регулирования. Данный правовой механизм решает несколько задач: Оформление и структурирование коллективных интересов. Консолидация имущественных и финансовых ресурсов. Минимизация и локализация коммерческих рисков для учредителей. Эффективное администрирование объединенного капитала.

Чтобы организация была признана полноправным субъектом гражданского права, она должна обладать рядом специфических характеристик. Во-первых, это организационное единство, предполагающее внутреннюю структуру и порядок управления. Во-вторых, необходима имущественная обособленность, то есть наличие обособленного имущества на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления. Далее, организация должна иметь правоспособность — способность от собственного имени вступать в правоотношения, приобретать права и исполнять обязанности. Наконец, неотъемлемым признаком выступает самостоятельная гражданско-правовая ответственность по своим обязательствам.

Совокупность указанных признаков позволяет юридическому лицу выступать в качестве полноправного субъекта гражданско-правовых отношений.

На протяжении всей истории существования института юридического лица научная мысль порождала разнообразные концепции, стремящиеся раскрыть его подлинную природу. Среди этих концепций особую известность приобрела теория фикции. Её суть заключалась в следующем: юридическое лицо трактовалось как искусственное образование, порождённое правопорядком. Законодатель создавал его искусственно, с единственной целью — служить условным носителем субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей. Ключевыми фигурами данного направления выступали Фридрих Карл фон Савиньи и Бернгард Виндшайд. В

ВКР УлГУ

центре их концепции лежала теория интереса. В данном утверждении констатировалось отсутствие реального бытия у юридического лица в качестве полноценного субъекта правовых отношений. Тем не менее, юридическая защита распространяется и на интересы, которые можно охарактеризовать как «коллективные» (эту позицию, в частности, отстаивал Рудольф фон Иеринг). Схожую логику демонстрирует органическая теория Гирке. В правовой доктрине сформировалось несколько концепций, объясняющих природу юридического лица. Одна из них, развитая О. Гирке, Л. Мишу и Р. Солейлем, трактует организацию как «союзную личность» — своеобразный телесно-духовный организм. Иной подход предлагает теория государства, ассоциируемая с именем С.И. Аскназия. Согласно ей, юридическим лицом выступает само государство, понимаемое как всенародный коллектив, в чьей собственности находится имущество. Наконец, теория коллектива, представленная С.Н. Братусем и А.В. Венедиктовым, рассматривает организацию как реальное социальное образование. Его основу составляет «людской субстрат» — коллектив работников, за которым, в свою очередь, стоит весь народ.

Многообразие концепций, стремящихся раскрыть природу юридического лица, не привело к формированию единой, доминирующей доктрины. Каждая из этих теорий рождалась в контексте определённой исторической эпохи и её социально-экономических реалий, что предопределило их ограниченность: как правило, они выдвигают на первый план лишь отдельные свойства или функциональные роли, характерные для данного правового института.

Роль юридических лиц в экономическом развитии не вызывает сомнений. При этом дискуссионным остается вопрос о корректности их законодательной классификации, закрепленной в действующих нормах.

В ходе проведенного анализа удалось установить ряд фундаментальных проблем:

ВКР УлГУ

1. Отдельные классификации носят условный характер. Взять, к примеру, разграничение юридических лиц на корпоративные и унитарные, базирующееся на факте наличия или отсутствия членства. Эта дихотомия порождает дискуссии. Понятия «член», «учредитель» и «участник» организации не имеют чёткого соотношения, а сама сущность членства остаётся размытой. Гражданское законодательство не предлагает иных критериев для отграничения корпоративных образований от унитарных.

2. В ряде классификаций нарушается единство основания деления. Так, подразделение юридических лиц осуществляется одновременно по двум разнородным критериям: по наличию вещных прав на имущество и, с другой стороны, по наличию корпоративных прав в отношении самого юридического лица. При этом законодатель не даёт однозначного ответа на вопрос о природе корпоративных прав, оставляя неопределённым, носят ли они имущественный или неимущественный характер.

3. В правовой реальности встречаются гибридные конструкции юридических лиц, сочетающие в себе элементы, присущие разным организационным типам. Так, существуют компании, созданные единственным учредителем, или религиозные объединения, обладающие членством, но при этом признаваемые гражданским законодательством унитарными образованиями.

4. Проблема некорректной типологизации возникает, когда при определении сущностных черт конкретной организационно-правовой формы Гражданский кодекс задействует критерии из иной классификационной группы. Яркий пример — характеристика учреждения или фонда общественной пользы как «унитарной некоммерческой организации» (п. 1 ст. 123.21, п. 1 ст. 123.17 ГК РФ).

5. Юридические последствия ошибочной квалификации для правового статуса и обязательств участников имущественного оборота.

ВКР УлГУ

Для преодоления обозначенных затруднений предлагается следующий алгоритм действий:

1. Применение функционального подхода и выбор конкретных режимов для юридических лиц должны осуществляться с учётом фактического наличия у них соответствующих признаков.

2. Требуется критически переосмыслить организационно-правовые формы некоммерческих структур, приведя их в соответствие с фактическим юридическим устройством и законодательными критериями гражданско-правового статуса. Ключевой проблемой выступает классификация по признаку членства. Так, религиозные объединения, обладающие институтом членства, законодательством отнесены к унитарным формам. Аналогичный парадокс наблюдается у государственных академий наук: будучи учреждениями с членским составом, они в рамках Гражданского кодекса также квалифицируются как унитарные организации.

ВКР УлГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты и другие официальные документы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Режим доступа URL:

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // «Российская газета». 1994. N 238-239.

3. Федеральный закон от 20.02.2026 N 30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Режим доступа URL: https://www.pravo.gov.ru

4. Федеральный закон от 03.07.2016 N 236-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Режим доступа URL: https://www.pravo.gov.ru

5. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. С. 2304.

6. Федеральный закон от 27.09.2013 N 253-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 27.

7. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». // Российская газета. 2013. № 2.

8. Федеральный закон от 03.12.2011 N 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. N 49 (часть V). С. 7058.

9. Федеральный закон от 17.07.2009 N 145-ФЗ (ред. от 23.05.2025) О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. // СЗ РФ. 2009. № 29. С. 3608.

10. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. С. 6242.

ВКР УлГУ

11. Федеральный закон от 17.05.2007 N 82-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ» // СЗ РФ. 2007. № 22. С. 2562.

12. Федеральный закон от 11.06.2003 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. С. 2249.

13. Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. С. 4746.

14. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33. С. 3431.

15. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. N 7. С. 785.

16. Федеральный закон от 19.07.1998 N 115-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» // СЗ РФ. 1998. № 30. С. 3611.

17. Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. С. 4465.

18. Федеральный закон от 08.05.1996 N 41-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О производственных кооперативах» // СЗ РФ. 1996. N 20. С. 2321.

19. Федеральный закон от 12.01.1996 г. N 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. N 3. С. 145.

20. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. N 1. С. 1.

21. Федеральный закон от 08.12.1995 N 193-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50. С. 4870.

ВКР УлГУ

22. Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 20.02.2026) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. № 6.

23. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 28.11.2025) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. С. 492.

24. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 года № 1108 (ред. от 29.07.2014) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 29. С. 3482.

25. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник гражданского права. 2009. № 4.

26. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. С. 407. (Утр. Силу).

27. Гражданский кодекс РСФСР (утв. IV сессией ВЦИК РСФСР IX созыва 31.10.1922 года) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. С. 904. (Утр. силу).

28. Закон РСФСР от 25.12.1990 N 445-1 (ред. от 30.11.1994) «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // СПС КонсультантПлюс. (Утр. силу).

29. Закон для компаний на акциях от 6 декабря 1836 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. № 9763. С. 257. (Утр. силу).

30. Манифест Александра I от 1 января 1807 года «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. № 22418. С. 970. (Утр. силу).

31. Указ Петра I «О торговых компаниях» от 27 октября 1699 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. № 7207. С. 76. (Утр. силу).

ВКР УлГУ

32. Указ Правительствующего сената России от 06.09.1805 года «Об ответствовании акционерным компаниям, в случае взыскания, одним складочным капиталом» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 28. № 21900. С. 1211. (Утр. силу).

2. Судебная практика:

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Гарант.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06. 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.

37. Определение Верховного Суда РФ от 12.07.2017 г. N АКПИ17-525// СПС Гарант.

38. Определение Верховного Суда РФ от 25.11.2020 N АКПИ20-863// СПС Гарант.

39. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 № 88-16775/2021 по делу № 2-6143/2020 // СПС КонсультантПлюс.

40. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.05. 2018 г. по делу № А53-11498/2017 // СПС КонсультантПлюс.

41. Определение Московского городского суда от 26.07. 2011 г. по делу № 33-23218 // СПС КонсультантПлюс.

ВКР УлГУ

42. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.07.2020 № 33-20286/2020 // СПС КонсультантПлюс.

3. Специальная литература:

43. Авилов Г.Е. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 32–37.

44. Аюшеева И.З. К вопросу об организационно-правовых формах некоммерческих организаций // Власть закона. 2016. № 4. С. 67–80.

45. Андреев В. К. Гражданский кодекс Российской Федерации и новейшее законодательство // Государство и право. 1996. № 4. С.110-127.

46. Аскназий С.И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Учёные записки Ленинградского юридического института. Вып. IV. 1947. С. 5-47.

47. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. 364 с.

48. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 366 с.

49. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Комментарий к части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М.: Спарк: Хоз-во и право, 1999. 735 с.

50. Богданов Е. В. Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. 1997. № 10. С.97-101.

51. Богданов Е. В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. 2011. № 11. С. 89-94.

52. Быковская И.А., Михневич А.В. Проблема привлечения юридических лиц к гражданско-правовой ответственности // Вестник науки. 2019. Т. 4. № 6 (15). С. 141-145.

53. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М. : изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 840 с.

ВКР УлГУ

54. Гражданское право: в 2 ч. Ч. 1: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В.П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2012. 751 с.

55. Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 107 с.

56. Генкин Д.М. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Проблемы социалистического права, 1939. 297 с.

57. Габов А. В. Юридические лица в российском гражданском праве. Том 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве: Монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 334 с.

58. Дювернуа Л. Н. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. М. : Зерцало, 2004. 323 с.

59. Дмитриева О.В. Проблемы применения некоторых форм гражданско-правовой ответственности за причинение неимущественного (репутационного) вреда юридическому лицу // Наука и образование. 2015. № 7. С. 66-70.

60. Долинская В.В. Специфика ответственности по субъектному составу правоотношений // Lexrussica. 2017. № 5. С. 59-69.

61. Дроздов М.А. История развития института юридического лица в России // Вестник науки №6 (75) том 5. 2024. С. 286 - 291.

62. Егоров А.В. Директор является представителем компании. Что это значит для оборота // Арбитражная практика. 2015. № 1. С. 23-31.

63. Зурабян А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений: дис. канд.юрид.наук. // Режим доступа: dissercat.com

64. Закуракина О.В. Становление института юридического лица в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 16. С. 108-113.

ВКРУДГУ

65. Залавская О.М., Гончарова В.С. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц // Наука и просвещение. 2018. С. 163-165.

66. Заикин Д.П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 7-72.

67. Иеринг Р. Фон. Борьба за право / пер. с нем. О.А. Верта. СПб..: тип. Я. Трей, 1895. 76 с.

68. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. М.: Статут. 2020. 782 с.

69. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: РОССПЭН, 2010. 352 с.

70. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М.: УДН, 1987. 176 с.

71. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избр. тр. В 2 т. Т. 2. Классика российской цивилистики. М.: Статут, 2005. 492 с.

72. Крылова Ю.А. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие: взгляд на проблему // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 50-55.

73. Корпоративное право: Учебник / Под ред. И.С. Шиткина. - М.: КНОРУС, 2015. 540 с.

74. Карапетов А.Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 86-149.

75. Карева И.Д. Правоприменительные аспекты возникновения и прекращения правоспособности юридического лица // Juvenisscientia, 2019. № 11-12. С. 14-16.

76. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 512 с.

ВКР УлГУ

77. Ломакин Д.В. Эволюция системы юридических лиц в постсоветской России. Предпринимательское право: современный взгляд. М.: Юстицинформ, 2019. 600 с.

78. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений. М.: Статут, 2020. 146 с.

79. О юридических лицах в римском праве. Римское частное право: учебник. / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. Перетерского. - М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 607 с.

80. Поляков, А. В. Общая теории права: курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 642 с.

81. Подсосонная В.В. Обособление имущества, объекты гражданского оборота: сб. ст. - М.: Статут, 2007. С. 251–277.

82. Покровский И.А. История Римского права. - Петроград: изд. юрид. кн. скл. "Право", 1917. 430 с.

83. Собчак А.А. Содержание и границы самостоятельности предприятий // Советское государство и право. 1971. № 4. С. 25-30.

84. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2005. 298 с.

85. Сумской Д.А. Статус юридических лиц: учебное пособие для вузов. М.: «Юстицинформ», 2006. 328 с.

86. Степанов Д.И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13-60.

87. Сумской Д.А. Некоммерческие организации в теории гражданского права // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 13–16.

88. Сидоров В. Н. Основные векторы трансформации российского законодательства о некоммерческих организациях // Безопасность бизнеса. 2010. № 4. С. 32–36.

ВКР УлГУ

89. Суханов Е. А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. №1. С. 79-89.

90. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2013. Т. III. 510 с.

91. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 454 с.

92. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.

93. Толстой Ю. К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестник Ленинградского университета. 1955. №3. С. 117.

94. Тосунян Г., Викулин А. Исключительная правоспособность банка // Хозяйство и право. 1999. № 5. С. 58-63.

95. Ушницкий Р.Р. О наиболее актуальных проблемах современной теории корпоративного права России // Юрист. 2015. № 15. С 4-9.

96. Хохлов Е. Б., Бородин В. В. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. 1993. № 9. С. 151-158.

97. Цирульников В. Н. Признак «организационное единство» и его влияние на правосубъектность коммерческих организаций: дис.канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 185 с.

98. Якушев В.С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1973. 240 с.

ВКР УлГУ